

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА им. В.И. ЛЕНИНА

ДЕКАБРИСТЫ

ПРИБОЙ
ЛЕНИНГРАД

маркириарский

63.3(2)521-425

Д 28

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ДЕКАБРИСТЫ

СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ

КОЛЛЕКЦИЯ
В. И. ЗОРКИНА

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»

ЛЕНИНГРАД

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
г. ИРКУТСК

110885

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

1926

ИЗДАТЕЛЬСТВО
В. М. ЗОРКИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Как в природе, так и в обществе сущность явления, его динамика, так сказать, скрытая от взора наблюдателя в обычные будничные моменты жизни, становится ясной и понятной, когда диалектический процесс развития доводит до столкновения в одном случае силы, движущие атомы, а в другом — те общественные силы, те классы, которые выражают то почти незаметно, то в высшей степени быстро меняющуюся в зависимости от развития производительных сил основную линию развития данной общественной формации.

И там и здесь — переплет очень сложных взаимоотношений, множества вещей и фактов, составляющих одну цельную картину явления, так что пружины, двигающие этим явлением, скрыты и незаметны. Но вот наступает момент, когда внешняя, всеми видимая оболочка явления, или драматический эпизод истории, поражает наблюдателей и участников, и тогда всякий видит за этой внешней оболочкой или основные процессы природы или решительное столкновение борющихся классов.

Восстание декабристов и было одним из таких моментов в истории нашей страны и народа. Столкновение мятежных и верных Николаю I войск на площади, носящей теперь имя «мятежников», а не их усмирителя, сто лет тому назад и было таким эпизодом нашей истории, когда, независимо от тех или других пожеланий участников драмы, несоответствие политической надстройки тому базису, тому развитию производительных сил, которое требовало и другой формы, завершающей здание, когда это противоречие создало острый конфликт на верхах феодально-монархического строя.

Но известно, что эти верхи, их стремления, вождедения, идеалы, их идеология отражала только тот ход вещей, те потребности, которые затрагивали не только отдельные классовые группировки, но целые классы, целые мощные экономические образования.

Обыкновенно принято думать так, что декабристы, эти сливки русского образованного общества, творили историю, а народ безмолствовал.

И действительно, в той эффектной драме, которая завершилась звуком картечи на Сенатской площади, виселицами на верхах Петропавловской крепости и звоном кандалов в рудниках Сибири, нет народа, нет крестьян. Вернее, главным действующим лицом в этой драме были представители верхов общества, а его низы только пушечное мясо, только средство для достижения цели. Все это так,

но не слишком ли проста такая картина, не играли ли большую, чем думаем мы, роль те, кто в момент развязки оставался на заднем плане сцены? Не были ли сами руководители движения в зависимости от какой-то другой силы, считаться с которой они были должны, и то или другое поведение которой могло решить и решило участь дела?

Несомненно. С оружием в руках на площадь вышли солдаты, картечью довершали торжество старых феодальных сил все те же солдаты, на них же и дальше и еще очень долго опирались эти феодальные силы, на них, на солдат, на армию, стало-быть на крестьян, носивших тяжелую николаевскую аммуницию.

Что же думал этот солдат-крестьянин, как он относился к этой драме, какую роль он играл во всей истории декабристов? Этот в высшей степени интересный вопрос почти не разработан.

Большинство материалов и документов, относящихся к движению декабристов, по вполне понятным причинам, рисует жизнь, идеологию и участие именно верхушек русского общества в этом важном эпизоде нашей истории.

И в нашем сборнике этого рода материал преобладает. И произведение Ростопчиной, и письмо Рылеева, и впервые публикуемые части конституции Н. Муравьева — все это, нет спора, важный и нужный для изучения материал, но все это материал, вводящий нас в ту идеологическую лабораторию, которая характеризует одну сторону движения, казалось бы уже довольно хорошо изученную, однако и здесь, как увидит читатель, еще много нового материала, требующего опубликования.

Хотелось бы знать ту часть действующих лиц, которые оставались на заднем плане картины, «народ», принимавший участие в действии.

Нам представляется, что с этой точки зрения следовало бы обратить гораздо больше внимания на изучение той роли, какую играла армия в движении декабристов. Среди того малого, что имеется по затронутому нами вопросу, есть в высшей степени ценные замечания, остроумные соображения и научные построения, напр., замечания М. Н. Покровского, но подробного, детального изучения этого вопроса нет.

И не только нет детального изучения этого вопроса, но и достаточного количества материала доселе не опубликовано. Могут сказать, его и нет. В этом позволительно усомниться.

Можно с уверенностью утверждать, что одно детальное изучение работы декабристов в войсках, их общение с солдатами, жизнь этих солдат, влияние их рассказов на окружающих после восстания и множество других вопросов еще подлежит разъяснению. Больше того, необходимо заново пересмотреть вопрос о волнениях в войсках до декабристского восстания, не говоря уже о том, что изучение деятельности простых рядовых и в Петербурге и на юге в момент восстания в высшей степени важно.

Материал, печатаемый в нашем сборнике о «бунте» в Семеновском полку, с этой точки зрения заслуживает внимания.

Правда, и этот материал почти ничего не дает о самом «народе» (ведь документы и об этой истории исходили опять же из верхушечных кругов николаевского общества), но здесь зато затрагивается одна из интереснейших страниц декабристского движения, один из эпизодов его подготовки, — сношения либерального офицерства с солдатами, описание семеновской истории и офицерами и солдатами, испуг правительства, переписка и связи офицеров с крамольниками-солдатами после бунта и т. д. и т. п.

Дальнейшее розыскание новых материалов и публикация их должны с несомненностью осветить роль солдат в первом вооруженном восстании против самодержавия.

Е. П. Ростопчина, утешая декабристов, писала о наступлении в ближайшем будущем момента, когда то, во имя чего они влачили свои дни в Сибири, осуществится. Она говорит:

«Тогда дойдут до вас восторженные клики
«России, вспрыгнувшей от рабственного сна;
«Тогда вам явится, окончив бой великий,
«Младых сообщников венчанная толпа».

Декабристы не дождались этого момента, а «венчанная толпа», осуществившая, как одну из своих задач, и то, к чему стремились наиболее передовые из декабристов, ставит себе и разрешает более захватывающие цели освобождения всего угнетенного человечества.

Но ставя себе эти цели, передовой авангард трудящихся классов, российский пролетариат, не забывает и тех, кто прокладывал дорогу и до него к светлому будущему человечества.

Памяти этих предшественников, в день столетнего юбилея их дерзновенной и славной попытки добиться пришествия того момента, когда перед торжествующим народом «слягут бронзовые кони и Николая и Петра», и посвящает этот сборник Ленинская библиотека.

Стихотворение Е. П. Ростопчиной, письмо К. Ф. Рылеева, отрывки из дневника А. К. Кузьмина и конституция Н. Муравьева публикуются по подлинным рукописям, хранящимся в рукописном отделении Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве; Семеновское дело публикуется по подлинным материалам, находящимся в Лефортовском военном архиве в Москве.

Стихотворение Ростопчиной, письмо Рылеева и записки Кузьмина подготовлены к печати зав. рукописным отделением Ленинской библиотеки Г. П. Георгиевским, ему же принадлежат и примечания ко всем этим документам. Конституция Н. Муравьева подготовлена к печати проф. Ю. В. Готье и А. И. Яковлевым, Семеновское дело — А. И. Яковлевым; первому из них принадлежит вводная статья к конституции Н. Муравьева, а А. И. Яковлеву — предисловие к документам по Семеновскому делу.

Иллюстрации из коллекции С. Г. Волконского, подлинники которых хранятся в рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, подготовлены к печати и снабжены примечаниями А. Е. Грузинским.

В. Невский.

Вопрос о том, как бороться с империализмом, является одним из самых важных в современной политике. Империализм, как известно, есть высшая стадия капитализма, характеризующаяся монополией, финансовым сращиванием, экспансией и империализмом. Он создает угрозу мировой революции и требует от пролетариата решительных действий. В. И. Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» глубоко анализирует эти процессы и указывает на необходимость революционной борьбы. Он подчеркивает, что империализм неизбежно приведет к мировой войне, а следовательно, к мировой революции. Пролетариат всех стран должен объединиться и бороться за свержение империалистического строя. Ленин также рассуждает о роли России в этой борьбе, о необходимости создания революционной партии и о путях достижения победы. Его анализ империализма оказал огромное влияние на революционную теорию и практику того времени.

ПОСЛАНИЕ К СТРАДАЛЬЦАМ.

Соотчичи мои, заступники свободы, —
О вы, изгнанники за правду и закон, —
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен!
Удел ваш не — позор, но — слава, уважение,
Благословения правдивых сограждан,
Спокойной совести, Европы одобренье,
И благодарный храм от будущих Славян!
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И рабства иго снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Ах! может быть меж вас, в степях Сибири диких,
Увяли многие безвременно, в цепях...
И воздух ссылочный, сей яд для душ великих,
Убил цвет бытия в стесненных их сердцах...
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут,
Загробная вражда могучих их злодеев
Украсить нам не даст последний их приют.
Но да утешатся священные их тени!!
Их памятник — в сердцах отечества сынов,
В неподкупных хвалах высоких песнопений,
В молитве праведных, в почтении всех веков!
Мир гробу их!!.. А вы, сподвижники несчастных,
Несите с мужеством ярмо судеб крутых;
Быть может, вам не век в плену, в горах ужасных,
Терпеть ругательства гонителей своих...
Быть может... вам и нам ударит час блаженный
Паденья варварства, деспотства и царей,

И нам торжествовать придется мир священный
Спасенья Россиян и мщенья за друзей!
Тогда дойдут до вас восторженные клики
России, вспрыгнувшей от рабственного сна,
Тогда вам явится, окончив бой великий,
Младых сообщников венчанная толпа;
Тогда в честь падших жертв, жертв чистых, благородных
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы сограждан ликующих, свободных
Наградой славною да будут вечно им!..

(писано когда мне было 15 лет)

Захару Григорьевичу Чернышеву, в знак особенного уважения,
от Граф. Евдокии Ростопчиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

к стихотворению Е. П. Ростопчиной.

Евдокия Петровна Ростопчина, рожд. Сушкова (род. 23 декабря 1811 года; сконч. 3 декабря 1858 года), принадлежала к пушкинскому созвездию русских писателей и писательниц. Свое поэтическое поприще она начала с юных лет. Еще девочкой, в 14 лет, она пробует писать стихи, и первые же опыты ее поэтического вдохновения заслужили одобрение в кругу родных и знакомых. К 17-ти годам она имела уже целую тетрадь своих стихотворных произведений. Одно из них, под названием «Талисман», в 1830 году понравилось Петру Андреевичу Вяземскому, и он, не спросив согласия самой поэтессы, напечатал стихотворение в петербургском альманахе «Северные Цветы» на 1831 год. Это было первое появление в печати стихов Ростопчиной. Общее внимание и единодушное признание поэтического таланта молодой писательницы поощрили ее дарование на новые и новые опыты лирических произведений, и с 1833 года ее имя становится одним из самых популярных в русской литературе, ее стихами спешат украсить свои страницы наперебой все журналы того времени.

Блестящий, громкий и общепризнанный успех Ростопчиной, при самом начале ее литературного поприща, был и остается беспримерным в нашей литературе: никто из наших писателей не был так рано оценен, никто не был так дружелюбно встречен. Ростопчину осыпали похвалами корифеи нашей литературы: Пушкин, Жуковский, Лермонтов. Друзья, знакомые, университетская молодежь — все восхищаются свежестью и прелестью таланта. Стихи заучиваются наизусть. Герцен пользуется ими в своих письмах: так удачно выражают они порывы и настроение молодой души.

Высоко ценили произведения Ростопчиной не только у нас, но и на Западе. О них помещались хвалебные статьи во французских и английских журналах. О таланте Ростопчиной А. Дюма восторженно отзывался: «Она писала на французском языке, как в стихах, так и в прозе, не хуже наших самых прелестных женских гениев».

Еще больше восторгов ее талант вызывал на родине ее. Все наши толстые журналы нарасхват брали и печатали ее стихи. Не было журнала, где бы не цели ей панегириков. «Современник» приходил в восторг от одного предвкушения, что скоро увидит собрание ее стихотворений. Когда же вышла в свет ожидаемая книжка, «Современник» в отделе критики (1841 г.) писал: «Это — явление, какого не было в нашей литературе, явление, на которое нельзя смотреть без полного участия, без особого любопытства и неизъяснимого удовольствия. Перед нами открыт непроницаемый лабиринт юного, пылкого, трепещущего сердца». Такие восторженные похвалы раздались в библиографических отделах всех журналов. Ободренным встретил выход книжки и наш первый критик, всегда поражавший верностью, как и на этот раз, своего суждения и поэтического чутья. Белинский признал в Ростопчиной «поэтическую прелесть» и «высокий талант» и не одобрял только в ней «служение богу салонов», находя, что «наши салоны слишком сухая, бесплодная почва для поэзии».

И действительно, стихи Ростопчиной поражают музыкальностью и изяществом отделки. Тон разочарования, в то время такой обаятельный, придавал

исключительную прелесть стихотворениям красавицы. Они полны искреннего чувства и той гордости, которой отличаются сильные, демонические натуры. Она воспекает молодой месяц, цыганский табор, бал, встречу с другом, любовь, удачи и неудачи своего женского сердца. От несимпатичных сторон жизни, а иногда и от личного горя, она любит уходить в созерцание природы, усматривая в явлениях природы аналогию с своим внутренним миром, с жизнью людей. Даже подражания ее великим современникам всегда были изящны и дышали самобытной прелестью.

Высокие достоинства стихотворений Ростопчиной и привлекательные черты ее обаятельной личности заставили лучших наших писателей и поэтов оценить в ней красивую женщину и одаренную поэтессу. Позже, уже на склоне своих лет, она тепло вспоминала старших своих современников и их дружеское отношение к ней, особенно Пушкина и Лермонтова. В посвящении «Памяти Пушкина» своих драматических сцен «Дочь Дон-Жуана»¹ она писала:

Я знала вас: вы для меня открыли
Свой теплый круг, приветливо родной;
Ребенком вы меня в нем приютили,
Любя меня и детский лепет мой.
Я выросла под вашей мощной сенью,
Во след всем вам стремясь душой моею;
Я чтла в вас прямое вдохновенье,
Я сердцем вас любила, как друзей.

С особой признательностью Ростопчина вспоминала сердечное внимание к ней Пушкина:

Он, наш кумир... он, слава русской славы,
Благословлял на дальний путь меня...
Песнь женская была ему забавой,
Как новизна... О! не забуду я,
Что Пушкина улыбкой вдохновенной
Был награжден мой простодушный стих...²

Я помню, я помню другое свиданье:
На бале блестящем, в кипящем собранье,
Гордась кавалером и об руку с ним,
Вмешалась я в танцы... И счастьем моим
В тот вечер прекрасный весь мир озящался.
Он с нежным приветом ко мне обращался,
Он дружбой без лести меня ободрял;
Он дум моих тайну разведать желал...
И он с любопытством смотрел на меня, —
Песнь женского сердца, песнь женских страданий,
Всю повесть простую молодых упований
Из уст моих робких услышать хотел,
Он выманить скоро доверье умел...
Стихи без искусства ему я шептала
И взор снисхожденья с восторгом встречала.
Но он, вдохновенный, с какой простотой
Он исповедь слушал души молодой...
Он пылкостью прежней тогда оживлялся,
Он к юности знойной своей возвращался.
О ней говорил мне, ее вспоминал...
Со мной молодея, он снова мечтал³.

¹ «Пантеон», 1856, книжка первая, 2 стр.

² Ibid.

³ Сочинения графини Е. П. Ростопчиной, т. I, СПб., 1890, 51—52 стр.

Другой великий наш поэт, Лермонтов, зимою 1841 года, в последний свой приезд в Петербург, искренно подружился с Ростопчиной и на прощанье, перед роковым возвращением своим на Кавказ, откуда ему не суждено было уже вернуться, подарил ей альбом, в котором написал свое посвящение ей:

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны... ¹.

В числе почитателей юного таланта Ростопчиной был и Николай Платонович Огарев. Он познакомился с нею, когда она была еще девочкою 14 лет, а он еще учился в Московском университете. Впоследствии это знакомство, не прерываясь окончательно, возобновлялось по временам, и симпатии Огарева к Ростопчиной росли по мере того, как креп и развивался поэтический талант Ростопчиной. Уже в последний год жизни поэтессы Огарев с удовольствием вспоминал минувшее знакомство с Ростопчиной и свои воспоминания запечатлел в следующих стихах:

Я помню... (годы миновали!)
Вы были чудно хороши,
Черты лица у вас дышали
Всей юной прелестью души.
В те дни, когда неутомонно
Искало сердце жарких слов,
Вы мне вручили благосклонно
Тетрадь заветную стихов.
Не помню — слог стихотворений
Хорош ли, не хорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим напьем осыпал.
С порывом страстного участия
Вы пели вольность и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казненный, но святой.
Листы тетради той заветной
Я перелистывал не раз,
И снился мне ваш лик приветный,
И блеск и живость черных глаз.

Эти превосходные стихи Огарева драгоценны не потому только, что выражают признание поэтического дарования Ростопчиной: в них мы находим документальное, непрерываемое свидетельство подлинности ее стихотворения, озаглавленного «Послание к страдальцам». Это замечательное стихотворение, посвященное декабристам, до настоящего издания оставалось в неизвестности. О нем не упоминается ни в биографии Ростопчиной, ни в воспоминаниях о ней и о событиях того времени. Оно не печатается в числе стихотворений Ростопчиной. О нем ни слова не говорят ни брат поэтессы С. П. Сушков, издавший сочинения Ростопчиной в двух томах (СПб. 1890) и составивший для этого издания ее биографический очерк, ни дядя ее Н. В. Сушков, оставивший свои воспоминания о разных лицах и в том числе о своей племяннице Е. П. Ростопчиной (рукопись Библиотеки СССР имени Ленина, № 1356). Знал ли о существовании этого стихотворения Н. В. Сушков — неизвестно, но брат ее С. П. Сушков, очевидно, знал это стихотворение, так как к стиху Огарева «Почтили жертвы самовластья» сделал пояснение, что под жертвами разумеются декабристы. Но каким стихотворением она почтила декабристов и сохранилось ли оно, С. П. Сушков не объяснил ни одним словом.

¹ Сочинения М. Ю. Лермонтова, М., 1903, 141 стр.

Повидимому, такое молчание об одном из лучших стихотворений Ростопчиной объясняется условиями того времени. Напечатать его нельзя было: цензура этого ни в каком случае не допустила бы. Широко распространить его в списках было очень небезопасно, особенно для самой поэтессы. В этом она убедилась по собственному опыту с другим своим вольнолюбивым стихотворением, хотя и пыталась запрячь его ясный смысл под личину весьма правдоподобной аллегории.

Стихотворение это — известная рыцарская баллада «Насильный брак», напечатанная в № 284 газеты «Северная Пчела», за 1846 год. Отправляя это стихотворение из Неаполя, где в то время Ростопчина проживала, в редакцию газеты, поэтесса просила не выставлять ее имени и не печатать даже ее инициалов, под благовидным предлогом выяснить: «узнают ли меня, под маскою инкогнито, некоторые друзья мои, может быть слишком снисходительно судившие о подписанных моих стихах». Вместе с тем свое стихотворение «Насильный брак» Ростопчина прислала среди других своих стихотворений, в общем количестве пяти, поставила его не на первом месте и предупредила редактора, что в них содержатся ее «мысли о России и сожаления о ней». Редактор, печатая все пять стихотворений Ростопчиной, сопроводил их следующим редакционным примечанием: «Мы обыкновенно печатаем в „Северной Пчеле“ только те стихотворения, которые пишутся на важные современные события. Но нет правила без исключения, и мы всегда с удовольствием помещали на листах нашей газеты произведения первоклассных наших поэтов. И теперь, с равным удовольствием печатаем произведения... особы... которую не смеем назвать по имени, не дерзаем даже определить пола и звания... хотя поэтическое дарование этой особы давно уже высоко оценено всеми истинными литераторами, всеми просвещенными любителями изящного... Эта особа, по своему таланту, принадлежит к тому созвездию наших поэтов, в котором сияют имена: Крылова, Пушкина, Жуковского и Грибоедова...». По поводу заявления в письме Ростопчиной, что «ничто не изобличает, кем стихи писаны, женщиною или мужчиною», редактор восклицает: «Ничто не обличает!... Нет, обличает высокий талант, нежное чувство, возвышенные мысли, сладкая речь и первая принадлежность гениальности, разгадка сердца человеческого, особенно непостижимого сердца женщины! Давным давно в сиротствующей русской поэзии не раздавались такие сладкие звуки, давно наша поэзия не согревалась таким теплым чувством, какие заключают в себе эти стихи, рожденные под очаровательным небом Италии».

Стихотворение действительно превосходное, на очень модную в то время тему об отношениях России к Польше, вылившееся в очаровательную гармонию формы с содержанием.

В балладе изображалось, как старый барон сзывает своих вассалов и просит их судить, кто виноват — он ли или его молодая непокорная, сварливая жена. Она готовит козни, точит нож, вздувает огонь междоусобья, с монахом шепчется, — и все это в отплату за все добро, что он для нее сделал: ее призрел сиротою, взял разоренной, одел ее парчей и златом, несметной стражей окружил, а чтоб не сманил ее враг, он сам стоит над ней с булатом...

Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Жена в свою очередь держит перед вассалами защитительную речь. Она резко рисует свое тяжелое, подневольное положение, положение рабы. Она вышла за барона не по своей воле:

Я предана... я продана,
Я — узница, я — не жена.

Напрасны все старания барона озолотить роковое иго. Ей несносен его запрет говорить и молиться на ее родном языке:

Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он —
И мне ли ропот запрещен?

Ужель, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?

Аллегорический смысл стихотворения о политическом отношении Польши к России, и именно в том сочувственном Польше понимании, какой начал господствовать в интеллигентских кругах русского общества, — был выражен Ростопчиной в балладе «Насильный брак» настолько явственно, что не оставалось никакой возможности не понять этого и отрицать совсем плохо прикрытый политический намек. А между тем, в продолжение немалого времени, после появления этого анонимного стихотворения в «Северной Пчеле», никто не обратил внимания на него и не разгадал его смысла. Только в заграничных изданиях появилось толкование баллады. Там говорили, что «Насильный брак» есть аллегория на отношения России к Польше, которая, подобно насильно взятой жене, терпит бесконечные притеснения. Тогда-то спохватились и в России. Немедленно был отдан приказ отобрать у всех № 284 «Северной Пчелы». Распоряжение это, разумеется, произвело шум. Сложились рассказы, что Ростопчиной пришлось сильно поплатиться за вольномыслие... Ее имя превозносилось по всем углам. Баллада усердно переписывалась и с большой быстротой, чем печатное слово, разносилась по России. Однако, открытого преследования против самого автора «Насильного брака» возбуждено не было. Император Николай I, при докладе шефа жандармов о заподозренном в балладе аллегорическом смысле, велел оставить это дело без последствий. Но неудовольствие и замаскированный гнев на смелую поэтессу остались и скоро были обнаружены. Осенью 1847 года Ростопчина вернулась в Россию и поселилась в Москве. При первом приезде двора в Москву, она, успокоенная безответственностью, выразила желание, в числе прочих московских дам, представиться царской семье. Николай Павлович решительно велел не допускать ее во дворец. Для дамы высшего общества того времени, какою была Ростопчина, это наказание было весьма горьким и тяжелым. И это положение для нее не изменилось, повидимому, до самого конца ее жизни. Она скончалась 3 декабря 1858 года, когда в России началось уже новое царствование.

Любопытные подробности обо всей этой истории с напечатанием стихотворения «Насильный брак» сообщает известный современник этих событий А. В. Никитенко. Под 5 и 11 числами января 1847 года он в «Дневнике» своем писал следующее:

«Суматоха и толки в целом городе. В № 284 за 17 декабря «Северной Пчелы» напечатано несколько стихотворений графини Ростопчиной и, между прочим, баллада: „Насильный брак“. Рыцарь-барон сетует на жену, что она его не любит и изменяет ему, а она возражает, что и не может любить его, так как он насильственно овладел ею. Кажется, чего невиннее в цензурном отношении? И цензора, и публика сначала поняли так, что графиня Ростопчина говорит о своих собственных отношениях к мужу, которые, как всем известно, неприязненны. Удивлялись только смелости, с какою она отдавала на суд публике свои семейные дела, и тому, что барон — Россия, а насильно взятая жена — Польша. Стихи действительно удивительно подходят к отношениям той и другой и, как они очень хороши, то их все твердят наизусть...

«Кажется, нельзя сомневаться в истинном значении и смысле этих стихов. Булгарина¹ призывали уже к графу Орлову². Цензура ждет грозы».

Через несколько дней, 11 января, Никитенко продолжает:

«Толки о стихотворении графини Ростопчиной не умолкают. Петербург рад в своей апатичной жизни, что поймал какую-нибудь новость, живую мысль, которая может занять его на несколько дней. Государь был очень недоволен и велел было запретить Булгарину издавать „Пчелу“. Но его защитил граф Орлов, объяснив, что Булгарин не понял смысла стихов. Говорят, что на это замечание графа последовал ответ:

¹ Редактор-издатель газеты «Северная Пчела» Ф. В. Булгарин.

² Шеф жандармов.

« — Если он (Булгарин) не виноват как поляк, то виноват как дурак!
«Однако, этим и кончилось» ¹.

По рассказам другого современника, Э. И. Стогова, который в то время был правителем канцелярии генерал-губернатора юго-западной России Д. Г. Бибикова и проживал в Киеве, — последствия для Булгарина были несколько чувствительнее. Стогов рассказывает:

«Я тогда был в Киеве. Эта баллада была написана на насильственное завладение Россией Польши. Постоянно имея дела о проделках поляков здесь и в заграничной печати (Бибиков все заграничные газеты получал без цензуры), я, конечно, понял эту балладу. В Киев очень часто приезжали из Питера генералы, флигель-адъютанты и высшие чины правления, все это являлось к Бибикову, и каждый рассказывал дворцовые и другие интимные новости. Вот что я припомню об этой балладе.

«В Питере не поняли тайного смысла баллады; говорят, первый обратил внимание и понял государь Николай Павлович — вероятно кто-нибудь прислужился. Тогда шеф жандармов был добряк гр. А. Ф. Орлов. Государь спросил Орлова, указывая на „Северную Пчелу“:

« — Читал ты это?

« — Когда мне заниматься этими глупостями?

« — Ну так я прочту тебе, слушай: старый барон — это я, невеста — это Польша.

«Государь прочел всю балладу, смысл был ясен, приказал хорошенько проучить того, кто напечатал и кто сочинил. Баллада была без подписи; литературным отделом «Пчелы» заведывал Булгарин. Рассказывали, когда Орлов позвал Булгарина и указал ему на стихи, Булгарин притворился не понявшим (а может быть, оно так и было), но когда Орлов прочитал и разъяснил, Булгарин, как поляк, страшно струсил, в оправдание приносил срочную газетную работу, и несколько раз плачевным голосом повторил: „мы школьники!“.

«Добряк Орлов притворился гневным: „Так ты школьник?“ — хватил его за ухо и поставил у печки на колени, сам сел писать и продержал Булгарина на коленях более часа, но, простив, сказал:

« — Помни, школьникам бывает и другого рода наказание.

«Когда государь спросил Орлова и тот рассказал подробно сцену с Булгариным, государь много смеялся и сказал Орлову:

« — Ты (чудак) не стареешься.

«Эта история сделалась известна, тогда все искали № «Пчелы», все списывали, и баллада шла по рукам, как запрещенный плод. Гр. Ростопчиной дано было внушение» ².

Третий современник, Н. А. Каратыгин, известный артист, передает в своих «Записках» о разговоре Булгарина с Дубельтом Л. В., управлявшим III отделением:

«Когда Булгарин клялся Дубельту всеми святыми, что он старый солдат и верноподданный и никогда не был полонофилом, то обращавшийся с ним за панибрата генерал отрезал:

« — Не полонофил ты, а простофиля...» ³.

Итак, стихотворение Ростопчиной, под заглавием «Послание страдальцам», написано было, по свидетельству ее собственноручной подписи на автографе, сохранившемся в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина, когда поэтессе было 13 лет, т. е. несомненно после события 14 декабря 1825 года и именно вслед за исполнением приговора над его участниками. Оно оставалось в «заветной тетради» поэтессы и, повидимому, не распространялось даже

¹ Записки и дневник (1826 — 1877) А. В. Никитенко, том I. СПб., 1893, 480 — 482 стр.

² Эразм Иванович Стогов, его посмертные записки. «Русская Старина», 1886, октябрь, 79 — 80 стр.

³ «Записки Н. А. Каратыгина», «Русская Старина», 1873, февраль. Ср. Лемке, М. «Николаевские жандармы». СПб., 1909, 331 — 333 стр.

в списках. Оно известно было лишь тому весьма ограниченному кругу лиц, которых Ростопчина считала особенно близкими и заслуживающими полного ее доверия. К числу таких лиц принадлежали, несомненно, брат ее Сергей Петрович Сушков и Николай Платонович Огарев. Знал ли еще кто-нибудь об этом стихотворении — неизвестно. Можно думать, что количество таких лиц было весьма ограничено. По крайней мере, собственная дочь поэтессы свидетельствует: «Мать моя написала тогда стихотворение на декабристов, ею после сожженное. Я никогда не слыхала его»¹.

Сведение это, повидимому, не точно. Если стихотворения никогда не слыхала дочь поэтессы, это несколько не удивительно. Если же автограф или список его был сожжен, то и это несколько не страшно: стихотворение могло сохраниться в памяти самого автора, пока он был жив, и при случае оно могло быть полностью воспроизведено в новом автографе. А это, повидимому, так и случилось в действительности.

Таким подходящим случаем для воспроизведения в автографе стихотворения Ростопчиной «Послание к страдальцам» было появление в Москве, а может быть и личное знакомство или свидание с поэтессой одного из адресатов этого «Послания» — декабристов: новый автограф его, как свидетельствует собственноручная подпись на нем Ростопчиной, так или иначе был поднесен «Захару Григорьевичу Чернышеву, в знак особенного уважения».

Захар Григорьевич Чернышев (1796—1862) был сыном образованнейшего вельможи графа Григория Ивановича Чернышева и сам получил прекрасное образование. Поступив на службу в Кавалергардский полк и будучи шурином Никиты Михайловича Муравьева, женившегося на сестре Чернышева, графине Александре Григорьевне и бывшего одним из основателей и руководителей Тайного общества, Захар Григорьевич вступил в это общество, членами коего состояли многие кавалергарды. Однако, деятельного участия в делах общества Чернышев не принимал и в день 14 декабря 1825 года даже не был в Петербурге. Тем не менее Верховный уголовный суд признал ротмистра Кавалергардского полка Чернышева виновным в том, что он «знал об умысле на царевубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели оного». Чернышев отнесен был к VII разряду осужденных и приговорен к четырехлетней каторге. Суровость приговора по отношению к З. Г. Чернышеву современники и сами декабристы объясняли происками члена Следственной комиссии А. И. Чернышева, потом военного министра при Николае I. Александр Михайлович Муравьев, тоже декабрист, в своих «Записках» говорит: «Граф Захар Чернышев был осужден только потому, что его судья был его однофамильцем. Дело графа Захара основал значительный майорат, и генерал Чернышев, член комиссии, без малейшей связи с фельдмаршалом, основателем майората, имел бесстыдство претендовать на овладение имуществом семьи, которая была ему во всех отношениях чужой». Правда, притязания Чернышева, А. И., успеха не имели, но что граф З. Г. был погублен его происками и что действия его вызвали открытое возмущение в петербургском обществе, — об этом свидетельствуют весьма многие современники этих событий². По конфирмации приговора, указом 10 июля 1826 года, срок каторжного заключения, благодаря хлопотам влиятельной родни, был ему сокращен до двух лет, а уже 22 августа того же года, по случаю коронации, последовало новое смягчение наказания — до одного года каторги. В Сибирь Чернышев был отправлен в начале 1827 года. Один год, с весны 1827 г. до весны 1828 года, Чернышев провел вместе с другими декабристами в Читинском остроге. Во время этого сиденья разыгрался в остроге один эпизод, едва не повлекший за собою печальных для Чернышева последствий. Сестра его, Александра Григорьевна Муравьева, прибывшая вслед за своим супругом-декабристом в Читку, однажды пришла в острог на свидание с мужем. Свидание происходило в присутствии грубого и пьяного офицера Дубинина. Дубинину не понравились французские фразы, которые Муравьева вставляла

¹ «Правда о моей бабушке». (Отрывок из воспоминаний). Л. А. Ростопчина. «Исторический Вестник», 1904, март, 869 стр.

² Декабрист А. М. Муравьев. «Записки». Перевод, предисловие и примечания С. Я. Штрайха. Пг., 1922. 24 и 45 стр.

в свой разговор с мужем. Дубинин грубо и резко потребовал, чтобы она говорила по-русски, а когда Муравьева переспросила мужа о требовании Дубинина, он схватил ее за руку и неистово закричал: «Я приказываю тебе говорить по-русски». Бедная Муравьева, не ожидавшая такой наглости, закричала в испуге и выбежала в сени. Дубинин бросился за ней, несмотря на усилия мужа удерживать его. Заслышав шум и крик, заключенные, а в том числе и брат Муравьевой, З. Г. Чернышев, бросились в сени и, увидя ее в истерическом припадке и в слезах, преследуемую Дубининым, бросились на него и схватили, но он, в припадке пьяного бешенства, приказал часовым и караульным примкнуть штыки и идти к нему на помощь. Заключенные в свою очередь закричали, чтобы они не смели трогаться с места. К счастью, они послушали заключенных, а не своего офицера, и пропустили Муравьеву в ворота. Вся эта история, благодаря добрым отношениям к декабристам коменданта генерала Лепарского, закончилась для них благополучно: комендант извинился перед А. Г. Муравьевой и просил Муравьева и Чернышева быть осторожнее на будущее время¹.

Весной 1828 года Чернышев был отправлен в ссылку на поселение в Якутск. В Якутске Чернышев первое время жил вместе с другим декабристом А. А. Бестужевым (Марлинским) и разделял с ним скучную якутскую жизнь. Иногда они вместе бродили с ружьем по полям и болотам, но редко возвращались с добычей. «За чайным и обеденным столиком пыхтим друг другу с Захаром табачный дым», писал Бестужев своим братьям 10 ноября 1828 года. Но после полугодовой совместной жизни они расстались, вероятно, в зависимости от некоторых качеств характера Бестужева. 14 декабря 1828 года он уже писал: «Хозяйство наше рушится, Захар переходит на другую квартиру»; а еще через месяц, 25 января 1829 года, Бестужев уже сообщает, что он живет один. Через месяц Чернышева уже в Якутске не было: он переведен рядовым на Кавказ. Бестужев писал братьям 25 февраля 1829 года, что по отъезде Чернышева он долго не мог собраться с мыслями, и что уехал он, этот «*compagnon des larmes, non d'armes*», так поспешно, что едва мог проститься.

Летом 1829 года Чернышев уже был в Эрзеруме, в рядах армии Паскевича. Все тяжести солдатской жизни Чернышев переносил безропотно, и другой декабрист Гангелов, в своих воспоминаниях, высказывает удивление, с какою строгостью Чернышев подвергал себя суровостям солдатской жизни. Боевым трудом и ранами З. Г. Чернышев снова заслужил себе офицерский чин и в августе 1834 года женился на Екатерине Алексеевне Тепловой. Летом 1835 года они жили в Кисловодске, и кавказский военный полицмейстер Казасси в рапорте от 21 сентября свидетельствует, что подпоручик Чернышев жил летом этого года с женою и с тещею в Кисловодске и вел себя скромно и осторожно, удаляясь от сношений с другими декабристами. По ходатайству сестры, графини Софьи Григорьевны Чернышевой-Головкиной, он был уволен в отставку и с 1840 года поселился в родовом своем имении с. Тачине, Орловской губ., подаренном ему сестрой Софьей Григорьевной, к которой, вместе с титулом, перешел весь майорат. Так как жена его была очень слабого здоровья и зимовать в деревне не могла, то ему разрешен был въезд в Москву, где он и провел несколько зим. При общей амнистии в 1856 году ему был возвращен титул с правом свободного въезда в столицу и выезда за границу, чем он и воспользовался, и последние годы жизни провел с женою в Италии, преимущественно в Риме, там они оба и похоронены. Скончался он в мае 1862 года. З. Г. Чернышев был человек редкой скромности, доброты и мягкости, хорошо образованный, неизменно любезный в обществе и пользовался в своей семье горячей любовью всех ее членов².

¹ «Из жизни в Чите». (Из записок Н. В. Басаргина). «Библиотека декабристов», № 8, М. 1908. В ссылке и заключении. Воспоминания декабристов: князя Оболенского, Басаргина и княгини Волконской, 74—76 стр.

² «Русский Архив», 1903 года, 1) «О декабристе графе З. Г. Чернышеве». Н. Г. Малиновский. 142 стр. 2) «Еще о декабристе графе З. Г. Чернышеве». Г. Ф. Юнкера. 284—287 стр. «Декабристы». 86 портретов. П. М. Головачева. М. 1906. 262—263 стр.

Очевидно, в одну из зим, проведенных Чернышевыми в Москве, Ростопчина и познакомилась с Захаром Григорьевичем и поднесла ему свое стихотворение.

Когда могло это быть? Повидимому, не в первое пятилетие сороковых годов. Ведь сами Чернышевы поселились в деревне только с 1840 года, и не сразу же болезненная Екатерина Алексеевна почувствовала опасность для своего здоровья в проживании в деревне по зимам и не вдруг Захар Григорьевич испроптал себе разрешение на въезд в Москву. А из биографии Ростопчиной мы знаем, что первое пятилетие сороковых годов она проживала в Петербурге и весной 1845 года со всем семейством отправилась за границу, где оставалась более двух лет. Из Италии же в конце 1846 года она прислала известную балладу «Насильный брак», и только осенью 1847 года она возвратилась из заграничной поездки в Петербург, а через два месяца, в декабре 1847 года, она переехала на постоянное жительство в Москву.

Таким образом, встреча Ростопчиной с Чернышевым могла состояться не раньше зимы 1847—1848 г. С другой стороны, вручение Чернышеву стихотворения Ростопчиной не могло произойти и после амнистии 1856 года, так как Ростопчина в автографе при фамилии адресата не поставила титула, возвращенного Чернышеву в 1856 году, подписавшись, однако, полным своим титулом. Это могло произойти только до амнистии, когда Чернышев не мог носить графский титул.

Разумеется само собою, что почтовая передача такого стихотворения, которое во избежание всяких историй было даже сожжено, не могло быть допущено. Возможно, что Чернышев, получив стихотворение, не решился держать его у себя, а передал его одному из своих верных друзей. По крайней мере сохранилось оно, в автографе, до наших дней среди бумаг Петра Сергеевича Киселева, хранящихся теперь в отделе рукописей Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Это единственный, повидимому, автограф стихотворения «Послание к страдальцам». Даже списков этого стихотворения не встречается в рукописных альбомах XIX века. С этого автографа в настоящем издании оно и печатается в первый раз за все истекшее столетие со дня своего появления.

Источники и пособия:

1. Сочинения графини Е. П. Ростопчиной с ее портретом. Том первый. Стихи. Том второй. Проза. СПб., 1890. (При первом томе: Биографический очерк Сергея Сушкова).

2. «Русский Архив», 1903: 1) «О декабристе графе З. Г. Чернышеве», Н. Г. Малиновской, 142 стр.; 2) «Еще о декабристе З. Г. Чернышеве», Г. Ф. Юнкера, 284—287 стр.

3. «Графиня Е. П. Ростопчина». 1811—1858. Очерк Е. С. Некрасовой в журнале «Вестник Европы», 1885, март, 42—81 стр.

4. «Правда о моей бабушке». Отрывок из воспоминаний графини Л. А. Ростопчиной, в журнале «Исторический Вестник», 1904, том девяносто пятый, январь, февраль и март; см. март, 868—875 и д. стр.

5. «Пантеон», издаваемый Ф. А. Кони, 1856, книжка первая: «Дочь Дон-Жуана», драматические сцены в стихах гр. Евдокии Ростопчиной, 1—110 стр.

6. «Раут», литературный сборник, изд. Н. В. Сушкова, книги I, II и III. М. 1851, 1852 и 1854 г.г.

7. «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.г.» Мих. Лемке. Издание второе, С. В. Бунина. СПб. 1909.

8. «Северная Пчела», 1846, № 284: Стихотворения, 1135—1136 стр.

ПИСЬМО

К. Ф. РЫЛЕЕВА к В. И. ТУМАНСКОМУ.

Из письма твоего к Редеди, милый Туманской, вижу, что прелестными пьесами нашего Парнасского Чудотворца Полярная Звезда обязана тебе. Да неугасает же в тебе за то никогда чистый пламень Поэзии, возжонный твоею прелестною Музою, которую ты так мило славил под именем милой Девы. Пусть пламень сей на зло ничтожной и мелкой собратии Федорова чаще и чаще рождает в тебе истинное вдохновение и дразнит самолюбивое безвкусие Старообрядцев нашей Словестности. Твоя последняя Элегия очень мила, как и другие две пьесы. Жаль только, что Манценила переведена не пятистопными стихами. Все сии стихотворения вместе с пьесами Консула нашей Литературной Республики отданы Бирукову. Боюсь за послание к А. и именно за то место, где испущенный любовник

Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать.

Бируков Цензор-деспот и ревнивый муж. Страшусь также за стихи к Иностранке, где есть слово боготворить: оно верно не будет пропущено. Попроси Пушкина чтобы он пожертвовал им для Полярной Звезды.

Письмо твое к Алек. Бестужеву с приложением другого от Пушкина получено мною и за отсутствием Бестужева по праву дружбы распечатано. Желания Пушкина все исполнены, а в отношении посланий к Кривцову и к В. Л. П-ну при помощи самой Цензуры, не пропустившей их. Вакхическая песнь, не пропущенная прошлого года под именем стихов к Друзьям, проскользнула сквозь тесную калитку Цензуры и с торжеством вошла в широкие ворота Полярной Звезды. Просим позволения у Пушкина напечатать Турецкую песню и маленькую пьеску к малютке, которые здесь ходят по рукам.

Стихотворений наслано к нам куча. Между прочим будет может быть и Иванов вечер. Алек. путешествует с Герцогом и наднях возвратится. Пьесы его еще не готовы. Пожри его из Одессы, как ветреника.

Исполняя твое желание, уведомляю, что Войнаровский приметно подвинулся вперед; когда же кончится и как кончится, не знаю сам. Прощай, милый, не ленись и пользуйся вдохновением. Славь свою миленькую милую деву. Обними и поцелуй Пушкина. Прилагаю к нему письма от Пушкина и Дельвига. Проси об ответе.

Твой Рылеев.

3 Окт. 1823.

Р. С. Сейчас получил писсы от Вяземского, Родзянки и В. Измайлова. От А. Измайлова имеем сказку Лгуна на Свинына. Которой ты от души похочешь.

Сейчас от Бирукова. Варвар не пропустил ни одной из пиэс Пушкина, за самые те места, об которых писал я выше; в пиэске же к приятелю находит он не нравственную цель; говорит: двое за одной волочатся. — Твою элегию к милой деве также не пропустил за ночлег в шалаше: это слишком сладострастно. Манценила тоже не пропущена: эта пиэса слишком либеральна по мнению Бирукова. Ради Бога присылай других и проси Пушкина, что он нас не оставил. Без него Звезда не будет сиять.

Рылеев.

Дельвиг бьет тебе челом и проч.

Попавши случайно сегодня к первому номеру Редеди, приписываю здесь тебе мой поклон по праву Редеди. Что то давно от тебя нет ничего?

Измайлова —
Пушкина —
Тихонова — Бирукова

1823

Рылеев
Бируков

Славь

Рылеев
Бируков

ПРИМЕЧАНИЯ

к письму К. Ф. Рыльева.

Кондратий Федорович Рылеев, по его собственным словам, родился 18 сентября 1795 года. Отец его, отставной подполковник Федор Андреевич (ум. в 1814 г.), управлял имениями В. Голицыной. Бригадир екатерининских времен, Федор Андреевич был нрава сурового и дурно обращался со своею семьей. Жену свою, Анастасию Матвеевну (ум. в 1824 г.), гневный муж нередко запирает даже в погребе. Немало приходилось страдать и малолетнему сыну их — Кондратию. «Правда твоя,—писала впоследствии мать Кондратию Федоровичу,—что я не была счастлива; отец твой не умел устроить мое и твое спокойствие; что делать, Богу так угодно». Чтобы избавить сына от строгостей отца, мать отдала его чуть не ребенком в кадетский корпус в Петербурге.

Тяжелые воспоминания вынес мальчик из родительского дома. Не веселее предстояла ему жизнь и в 1 кадетском корпусе. Директором корпуса был Клингер, немец, считавший свои собственные сочинения опасными для непросвещенной русской публики и потому требовавший от цензуры, чтобы она отнюдь не пропускала их в Россию, а издавал их он непременно за границей. Он ввел в корпусе частые и жестокие телесные наказания. Маленький Рылеев был в высшей степени пылкий мальчик, предприимчивый шалун, и ему чаще других приходилось переносить наказания. Юные сердца воспитанников быстро ожесточались. Самолюбивый Рылеев терпеливо, с хладнокровием и стоицизмом переносил телесные наказания. Он часто принимал на себя вину товарищей и за них охотно подвергался наказаниям. Это привлекло к нему множество друзей и почитателей. Словесные науки и особенно языки французский, польский и немецкий Рылеев изучил в корпусе весьма основательно. Его поэтический талант обнаружился еще в корпусе, а недочеты своего образования он потом старался пополнить чтением и беседами с людьми учеными и образованными.

Принадлежа по успехам в науках к числу воспитанников 1 разряда, Рылеев 10 февраля 1814 года был выпущен из корпуса прапорщиком в 1-ую резервную артиллерийскую бригаду, с которою и был в походе за границы. Он побывал в Германии, Швейцарии, Франции. Вернувшись из-за границы, он квартировал со своею бригадою в Минской губернии, но не долго. Возвращение Наполеона заставило и Рыльева отправиться в поход, и он с русскими войсками вступает в Париж.

Пребывание за границей не осталось без влияния на образ мыслей Рыльева. Позже, на следствии, он сам показал, что свободомыслием он заразился во время заграничных походов.

По возвращении из заграничных походов Рылеев с 1817 г. с своею частью стоял в Воронежской губернии. Здесь, в Острогожском уезде, в с. Подгорном, он влюбился в дочь тамошнего помещика Михаила Григорьевича Тевяшова, Наталию Михайловну. О ней он писал матери: «Не будучи романистом, не стану описывать ее милую наружность, а изобразить душевные ее качества почитаю себя весьма слабым». По требованию отца невесты он вышел в отставку и, кажется, против желания матери, женился на Наталии Михай-

ловне 22 января 1820 г., от которой и имел сына Александра (ум. в 1824 г.) и дочь Анастасию (в замужестве за И. А. Пушиным).

После женитьбы Рылеев переселился в Петербург, где и служил по выборам дворянства заседателем в уголовной палате, привлекая всеобщее внимание к себе безукоризненно-честным исполнением своих обязанностей. По рассказам Н. Бестужева¹, однажды военный губернатор Петербурга Милорадович пригрозил одному мещанину судом, зная, как простонародье боится суда. Вместо того, чтобы испугаться, мещанин упал на колени и со слезами начал благодарить Милорадовича. Милорадович спросил мещанина, какую же милость он ему оказал. Тот ответил: «Вы меня отдали под суд, и теперь я знаю, что избавлюсь от всех мук и придинок: знаю, что буду оправдан! Там есть Рылеев: он не даст погибать невинным».

Свои досуги в Петербурге Рылеев посвящал занятиям литературой и литературным знакомствам. В «Невском Зрителе» 1820 года была напечатана известная ода его «К временщику». Это была острая сатира и метила она в Аракчеева.

В 1824 году Рылеев поступил на службу в правление Российско-Американской компании правителем дел. И на этой службе, по отзыву директора компании Ивана Васильевича Прокофьева, он оказал большие услуги ревностными своими занятиями и честным отношением к делам ее. По этим делам, между прочим, он вошел в сношения с Н. С. Мордвиновым и М. М. Сперанским. В доме компании на Мойке и жил Рылеев в 1824—1825 гг.

В эти же годы жизни Рылеева в Петербурге началась и политическая деятельность его. Дарования, предприимчивость и гражданская ревность, одушевлявшие Рылеева, скоро сблизили его с руководителями Тайного Северного общества, а своею энергиею и склонностью к скорейшему практическому осуществлению намеченных планов он превзошел всех их и получил большое значение в делах Северного общества.

Знакомые литераторы и члены Тайного общества собирались обыкновенно у Рылеева на так называемые «русские завтраки». Завтрак всегда состоял из графина водки, нескольких кочней кислой капусты и ржаного хлеба. Это делалось Рылеевым во имя народности. На этих завтраках и зародилась идея издания ежегодного литературного альманаха. В 1823 году вышел первый номер «Полярной Звезды». Этот альманах объединил все лучшие литературные силы того времени. В том же 1823 году Рылеев вступил членом в Северное общество, и одно появление его в рядах членов этого общества оживило это общество и привлекло к нему много новых членов. Сам Рылеев приобрел громадное влияние на членов общества, и это влияние всецело объясняется только обаянием его личности. «Я не знал другого человека, — рассказывает А. В. Никитенко², — который обладал бы такой притягательной силой, как Рылеев. Среднего роста, хорошо сложенный, с умным, серьезным лицом, он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были подчиниться при более близком знакомстве. Стоило улыбке озарить его лицо и вам самим поглубже заглянуть в его удивительные глаза, чтобы всем сердцем, безвозвратно отдаться ему. В минуты сильного волнения или поэтического возбуждения глаза его горели и точно искрились. Становилось жутко: столько было в них силы и огня». Другой современник, Н. Бестужев, дополняет характеристику его: «Рылеев был не красноречив и овладевал другими не тонкостями риторики или силою силлогизмов, но жаром простого и иногда несвязного разговора, который в отрывистых выражениях изображал всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего красноречивее было его лицо, на котором являлось прежде слов все то, что он хотел выразить, точно, как говорит Мур о Байроне, что он похож на гипсовую вазу, снаружи которой нет никаких украшений, но как скоро в ней загорится огонь, то изображения, изваянные внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою».

¹ Из записок Н. А. Бестужева «Девятнадцатый век», М. 1872. 339—340 стр.

² Записки и дневник (1826—1877) А. В. Никитенко, том первый, СПб. 1893. 169 стр.

В кипучей политической работе Рылеевым руководила любовь к общему благу и благу родины. «Освобождение отечества или мученичество за свободу для примера будущих поколений было ежеминутным его помышлением. Он веровал, — пишет Н. Бестужев, — что, если человек действует не для себя, а на пользу ближних и убежден в правоте своего дела, то, значит, само провидение им руководит». Он выше всего, выше всех пристрастий и привязанностей ставил самопожертвование во имя блага отечества и подтвердил свое исповедание на собственном примере».

Накануне 14 декабря, когда уже решено было действовать, Рылеев находился в повышенном настроении. По словам Н. Бестужева, «его лик, как луна, бледный, но озаренный каким-то сверхъестественным светом, то появлялся, то исчезал в бурных волнах этого моря, кипящего различными страстями и побуждениями»¹.

Несмотря на неуверенность в успехе дела, Рылеев стоял за выступление.

На другой день рано утром Н. Бестужев зашел за ним, чтобы вместе идти. «Мы простились и пошли, — пишет Н. Бестужев, — но здесь ожидала нас очень трудная сцена. Жена его выбежала к нам навстречу, и когда я с нею хотел поздороваться, она схватила мою руку и, заливаясь слезами, едва могла выговорить: „Оставьте мне моего мужа, не уводите его, — я знаю, что он идет на погибель!“ Рылеев, подобно мне, старался успокоить ее: что он возвратится скоро, что в намерениях его нет ничего опасного. Она не слушала нас, но в это время дикий, горестный и испытующий взгляд больших черных ее глаз попеременно устремлялся на обоих. Я не мог выносить этого взгляда и смутился. Рылеев был в замешательстве. Вдруг она отчаянным голосом воскликнула: „Настенька! Проси отца за себя и за меня!“ Маленькая девочка выбежала, рыдая, обняла колени отца, а мать почти без чувств упала к нему на грудь. Рылеев положил ее на диван, вырвался из ее и дочерних объятий и убежал»².

На площади Рылеев был недолго. Он бежал по городу, собирая солдат и офицеров. Когда выяснилось, что восстание потерпело неудачу, он, пробродив целый день по городу, возвратился домой, где уже собрались другие участники. После полуночи приехал обер-полицмейстер, и Рылеев был отвезен сначала во дворец для допроса, а потом в Алексеевский рavelин в Петропавловской крепости. Он обвинен был в том, что «умышлял на цареубийство, назначал к совершению одного лица, умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приготавливал к тому средства; усилил деятельность Северного общества, управлял оным, приготавливал способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинять манифесты о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов; приготавливал опасные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников, посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь». Он был поставлен вне разрядов и приговорен к смертной казни четвертованием, замененной повешением.

День его смерти—13 июля 1826 года.

Василий Иванович Туманский (род. 28 февраля 1800 г., ум. 23 марта 1860 г.) принадлежал к числу поэтов славной пушкинской плеяды. Он происходил из старинного малороссийского рода и родился в имении деда, в селе Чарторигах, Глуховского уезда, Черниговской губернии, откуда вскоре переехал в родительское имение Апанасовку, Гадячского уезда, Полтавской губернии. Его детские годы прошли под чарующим влиянием роскошной природы Украины и под сердечными заботами о нем бесконечно доброй матери. После домашней подготовки он определен был для образования в харьковскую гимназию, но

¹ Воспоминания братьев Бестужевых. Библиотека мемуаров «Огни». Петроград. 1917. 100—101 стр.

² Ibid. 40—41 стр.

оттуда вскоре, по кончине матери 14 августа 1814 г., был переведен в Петербург в Петропавловское училище. В 1818 г. Туманский окончил курс и для дальнейшего образования отправился за границу. В Париже он поступил вольнослушателем в «Collège de France» и слушал там курсы Кузена, Араго и других известных профессоров того времени. Летом 1821 года Туманский вернулся в Петербург и решил всецело посвятить себя литературной деятельности. Почти три года прожил Туманский в Петербурге, и этот период его жизни был особенно плодотворен по количеству написанных им стихотворений. Он был принят в самых лучших литературных кругах. Его полюбили Пушкин, Рылеев, Дельвиг, Бестужев, Грибоедов, Измайлов, Сомов, Корнилов, Греч. В 1823 г. молодой поэт покинул Петербург и перешел на службу в Одессу, в канцелярию новороссийского губернатора и полномочного наместника Бессарабской области, графа М. С. Воронцова. Сюда, на юг, влекли его родные, теплый климат, а главное — душевное созвучие со своим главным начальником. «Я верен старым своим правилам, — писал Туманский сестре, — я иду служить к человеку, которого имя любезно друзьям просвещения и добрым русским патриотам». На службе Туманский провел почти 23 года своей жизни, меняя, конечно, обязанности и места, в зависимости от служебных успехов, которые всегда его сопровождали. Оставаясь на службе в канцелярии генерал-губернатора, Туманский постоянно получал командировки и назначения по делам с Турцией, Молдавией, Валахией. В 1839 г. он перешел на службу в Государственный Совет на должность помощника статс-секретаря по департаменту экономики. Не дослужив почти двух лет до двадцатипятилетия, Туманский 30 апреля 1846 г. вышел в отставку и уехал на родину. Там очень нуждались в просвещенном и зрелом деятеле, и, однако, Туманский устранился от всяких официальных должностей, даже выборных. И только уже в конце жизни ему пришлось отказаться от своей непреклонности. Приближалась эпоха крестьянских реформ. Наступало время, когда по большим городам возникали комитеты об улучшении быта помещичьих крестьян. Дворяне Гадячского уезда единодушно избрали В. И. Туманского в члены комитета. Декабрист по связям и убеждениям, всегда лелеявший мечту об улучшении быта помещичьих крестьян и еще недавно в сельском уединении обдумывавший вопрос о необходимости изменения отношений между помещиками и их крестьянами, как не соответствовавших положению других просвещенных государств и задерживавших развитие огромной массы соотечественников, больной поэт с удовольствием принял избрание. В комитете он оказался лучшим деятелем и в последний раз послужил обществу, изложив с необыкновенной ясностью и сжатостью «Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Полтавской губернии». Он с нетерпением ждал разрешения крестьянского вопроса, но ему не было суждено дожить до 19 февраля 1861 года: 23 марта 1860 года В. И. Туманский скончался и был искренно оплакан своими крестьянами.

С Рылеевым Туманский сблизился, повидимому, по возвращении из-за границы. 29 августа 1821 года он избран был в члены «Вольного общества любителей российской словесности». В собраниях Вольного общества деятельное участие принимали: К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер, А. О. Корнилов и др. В этом обществе несомненно и начались те отношения между Рылеевым и Туманским, которые вскоре перешли в дружбу. В собрании этого общества 22 мая 1823 года Туманский читал отрывок из поэмы Рылеева «Войнаровский».

Печатаемое здесь письмо Рылеева к Туманскому, от 3 октября 1825 года, относится ко времени пребывания Туманского в Одессе. И здесь он продолжал свое поэтическое творчество и старался быть полезным своим приятелям — издателям «Полярной Звезды». Он сам присылал им свои произведения и, между прочим, охотно склонял к тому же и Пушкина. Свое письмо Рылеев с того и начинает, что признает себя обязанным Туманскому за стихи Пушкина. Письмо это служит ответом на письмо Туманского к «Редеди».

«Редедя» — загадочный адресат письма Туманского. Кто или что называлось в Петербурге этим именем князя Косогов? В печатной литературе разгадки этого вопроса, повидимому, не найти. Если бы сведение о «Редеди» ограничилось только упоминанием в первой строке письма Рылеева, то пожалуй

и догадки отошли бы далеко от правды: из слов Рылеева скорее заключить, что под именем «Редеди» скрывается какое-то лицо. А между тем, приписка Дельвига к письму Рылеева позволяет перенести догадки совсем в другую область. Судя по тому, что Дельвиг говорит не об одном, а по крайней мере о двух лицах, скрывающихся под именем «Редеди», можно думать, что это было имя собирательное. Дельвиг различает «первый номер Редеди» от рядового «Редеди»; право на такого «Редеди» он приписывает себе. Кто же был первым номером? Дельвиг объясняет про себя, что он попал «к первому номеру Редеди» сегодня случайно и также случайно, очевидно, к письму этого первого номера делает свою приписку. А так как эта приписка Дельвига находится на письме-автографе Рылеева, то и позволительно думать, что первым номером Редеди был именно Рылеев. Поэтому также позволительно догадываться, что под именем Редеди существовало в Петербурге общество (или кружок), объединявшее друзей и единомышленников, быть может, не только из среды писателей. Возможно, что одним из членов этого общества был и Туманский. Наименование же Рылеева первым номером Редеди дает право считать его главою, или председателем этого кружка, или во всяком случае его инициатором. Таких кружков в то время, вроде «Зеленой Лампы», в Петербурге было несколько: такова тогда была тенденция общественности, сильно подогревавшаяся тогдашним образованием и масонством.

Барон Антон Антонович Дельвиг был тоже одним из представителей пушкинской поэтической плеяды. Он родился 6 августа 1798 года в Москве, где отец его служил плацмайором. В 1811 году Дельвиг был определен в новооткрытый Царскосельский лицей вместе с Пушкиным и другими их всем известными товарищами. Здесь скоро обнаружились поэтические дарования талантливого юноши. В рукописных лицейских журналах перу Дельвига принадлежат многие произведения, и все лицейские товарищи высоко ценили его поэтический талант и начитанность в области русской и иностранной литературы. Окончив курс лицея в 1817 году, Дельвиг первоначально служил по министерству финансов, а с 1821 года перешел на службу в Публичную библиотеку на должность помощника библиотекаря, под непосредственное начальство баснописца И. А. Крылова. С 31 июля 1825 года Дельвиг перешел на службу в министерство внутренних дел, в котором и оставался до своей кончины—14 января 1831 года.

Рядом со службою шли литературные занятия Дельвига. Вскоре по выходе из лицея он становится членом «С.-Петербургского общества любителей словесности, наук и художеств» и в его трудах помещает свои стихотворения. В 1819 г. Дельвиг делается членом «Вольного общества любителей российской словесности» и принимает участие в издававшемся обществом сборнике. В это время, сохраняя дружеские связи с лицейскими товарищами, особенно с Пушкиным, он сближается с Баратынским, Языковым, Коншиным, Гнедичем, Плетневым, бароном Розеном, вступает в круг лучших тогдашних писателей и сотрудничает и в «Невском Зрителе» и в альманахе «Полярная Звезда». В январе 1825 г. Дельвиг, вместе с Сомовым, начинает издавать свой альманах «Северные Цветы», в котором участвовали: Пушкин, Жуковский, Баратынский и др. 30 октября 1825 года он вступает в брак с С. М. Салтыковой, и с этого времени его дом обращается в видный литературный и артистический салон. Этот период жизни Дельвига особенно важен для истории его поэтического творчества. Кроме «Северных Цветов», он выпускает две книжки альманаха «Подснежники», а в 1830 году предпринимает издание «Литературной Газеты», при ближайшем участии Пушкина.

Друг Пушкина, Дельвиг был другом и кружка издателей «Полярной Звезды». Возможно, что именно здесь был кружок под именем «Редеди», к которому принадлежал и Дельвиг.

С. Г. Волконский (с акварели Н. Бестужева).

Письмо Рылеева к Туманскому целиком занято литературными новостями и интересами «Полярной Звезды». Рылеев, прежде всего, благодарит Туманского за содействие получению пьес «Парнасского Чудотворца», т.-е. Пушкина. Какие именно произведения Туманского и Пушкина получил Рылеев и о каких пишет Туманскому, об этом можно судить на основании собственных слов Рылеева в этом письме.

Из стихотворений Туманского Рылеев, прежде всего, называет: «Милой деве»¹, начинающееся стихами:

Ты нежным вздохом отвечала
На страстный бред любви моей...

В этом стихотворении есть стихи:

Идем... уж вечер... роща дремлет,
По долу стелется туман,
В пути заботливо объемлет
Моя рука твой стройный стан.
Твоим обетам слух мой внемлет,
Душе отвечает душа,
И вот — двух странников приемлет
Простая кровля шалаша.
Приютен кров гостеприимный!
И полны нежностью взаимной,
Мы возлегаем на тростник...

Эти стихи не понравились цензору, по объясненной в письме причине, и он не пропустил стихотворения.

«Твоя последняя элегия очень мила, как и другие две пьесы», — пишет Рылеев. Таким образом, у Рылеева в руках были три стихотворения Туманского: элегия «Милой деве», а из «других двух» он еще называет одну — «Манценил». К сожалению, Рылеев не сообщает никаких признаков третьей пьесы, бывшей у него, по которым можно было бы установить, какое именно произведение Туманского он похвалил. В «Полярной Звезде» на 1824 год напечатано семь стихотворений Туманского.

Стихотворение «Манценил» не было пропущено цензором. Оно начинается стихами:

— Давно манит меня твой поцелуй отрадный,
Зарина! Я люблю, и я владыка твой. —
Так в страсти говорил властитель беспощадный
Зарине трепетной, Зарине молодой...

Из стихотворений Пушкина, «консула нашей литературной республики», Рылеев упоминает «Послание к А.». Это стихотворение печатается под заглавием: «Алексееву» и начинается стихами:

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты...

¹ Под таким же заглавием в «Полярной Звезде» за 1823 г. напечатано другое стихотворение Туманского, начинающееся стихами:

Другим судьба послала малый дар
Пленять твой ум, пленять твое бесстрастье...

В этом именно стихотворении имеются те два стиха, которые возбуждали в Рылееве опасение:

Когда любовник иступленный]
Клянет ревнивого супруга]
Или докучливую мать.

Это стихотворение под тем именно заглавием, о котором Рылеев пишет — «Послание к А.», было напечатано им в альманахе «Полярная Звезда» на 1825 год. «Цензор Александр Бируков» позволил напечатать всю книгу этого альманаха 20 марта 1825 года. В этом альманахе напечатаны полностью и те два стиха, которых опасался Рылеев и из-за которых Бируков запретил все стихотворение в октябре 1823 года.

Стихи Пушкина к «Иностранке», где есть опасное в цензурном отношении слово «боготворить», под тем же заглавием печатается и читается так:

На языке, тебе невятном,	Боготворить не перестану
Стихи прощальные пишу;	Тебя, мой друг, одну тебя.
Но в заблуждении приятном	На чуждые черты взирая,
Вниманья твоего прошу:	Верь только сердцу моему,
Мой друг, доколе не увяну,	Как прежде верила ему,
В разлуке чувство погубя,	Его страстей не понимая.

Время написания этого стихотворения и его адресат возбуждают в пушкинской литературе большие разногласия¹. Письмо Рылеева с несомненностью устанавливает, что это произведение Пушкина в окончательной форме было у него в октябре 1823 года и что, следовательно, к Ризнич оно не относилось.

«Письмо твое к Алек. Бестужеву с приложением другого от Пушкина» — остается до сих пор не напечатанным, как и письмо Пушкина к Бестужеву, если только они уцелели и хранятся где-нибудь в неизвестности. Поэтому остаются неизвестными и «желания Пушкина», о которых Рылеев пишет, что они «все исполнены».

О посланиях Пушкина к Кривцову и к В. Л. П-ну желания эти удовлетворены цензурой, не пропустившей их. Очевидно, и сам поэт, предназначавший их для «Полярной Звезды», желал отложить печатание их. «Послание к Кривцову» впервые напечатано в издании сочинений Пушкина 1826 г. и начинается стихами:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем...

«Послание к В. Л. П-ну» начинается стихами:

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?...

Полностью это «Послание к В. Л. Пушкину» впервые напечатано в собрании сочинений Пушкина только в издании 1859 г. В «Полярной Звезде» на 1824 год напечатан только отрывок этого произведения, всего 21 стих, начиная стихами:

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров...

Судьба «Вакхической песни», напечатанной в «Полярной Звезде» на 1824 год под заглавием «Друзьям», была более благоприятна. Это произведение начинается стихами:

¹ Пушкин, ред. Венгерова, III, 510 — 512 стр.

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир...

У Пушкина есть и другое произведение, называющееся «Вакхическая песня». Оно начинается стихом:

Что смолкнул веселия глас?..

Но Рылеев писал о первом.

Все перечисленные стихотворения Пушкина, повидимому, были представлены «Полярной Звезде», и правом печатать их в своем альманахе Рылеев располагал по своему усмотрению и по разрешению цензуры. В дальнейших строках своего письма Туманскому он говорит о таких произведениях Пушкина, которые уже ходили по рукам в Петербурге и напечатать которые Рылеев просил позволения у поэта. Эти произведения — «Турецкая песня» и «Маленькая пьеска к малютке».

В «Полярной Звезде» на 1824 год (60 стр.) напечатано стихотворение за полной подписью Пушкина под заглавием: «В альбом малютке». Оно начинается стихами:

Играй, Адель,
Не знай печали!..

С издания сочинений Пушкина 1826 г. оно уже озаглавивается неизменно: «Адели». Можно думать, что «Маленькая пьеска к малютке», напечатать которую Рылеев просил позволения у Пушкина, и была именно та пьеска, которую Рылеев напечатал под заголовком «В альбом малютке». Повидимому, и срок разрешения альманаха цензурой, 20 декабря 1823 года, не препятствует такому заключению, так как с момента просьбы Рылеева к Пушкину прошло два месяца и три недели — время, вполне достаточное для сообщения из Одессы о согласии Пушкина на напечатание пьесы, которая в готовом виде уже была в Петербурге.

Стихотворения под названием «Турецкая песня» у Пушкина нет. Но в прижизненных изданиях его сочинений 1826 и 1829 г.г. одно произведение его печаталось под названием «Подражание турецкой песне». Вот это стихотворение Пушкина:

О дева - роза, я в оковах,
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

Несомненно, именно это стихотворение под именем турецкой песни ходило по рукам в Петербурге в 1823 году, и именно его напечатать в «Полярной Звезде» так желал Рылеев и именно о нем писал Туманскому 3 октября 1823 г.¹

«Иванов вечер» — под этим заглавием известна была баллада В. А. Жуковского, переведенная из В. Скотта («The eve of St. John») и впоследствии печатавшаяся под названием: «Замок Смальгольм». О получении этого произведения Жуковского Рылеев пишет неуверенно. И действительно, баллада была напечатана

¹ М. А. Цявловский любезно подсказал это решение вопроса о турецкой песне Пушкина.

в 1824 году в другом издании, во 2 № «Соревнователя Просвещения», а потом и в «Новостях Литературы» Воейкова, № 7, но уже под другим заглавием: «Дунканов вечер»¹.

«Войнаровский» — собственная поэма Рылеева. Осенью 1823 г. была готова только часть поэмы, которая и была напечатана в «Полярной Звезде» на 1824 год, под заглавием: «Юность Войнаровского», отрывок из поэмы: «Войнаровский». Она начинается в альманахе:

Враг хищных крымцев, враг поляков,
Я часто за Палеем вслед
С ватагой храбрых гайдамаков
Искал иль смерти иль побед...

И следующие два письма к Пушкину, от Пушкина и Дельвига, тоже остаются еще неизвестными нашей печатной литературе, как и вышеуказанные два письма к А. Бестужеву от Пушкина и Туманского.

«Пьесы от Вяземского», очевидно, те самые, которые вошли во вскоре вышедшую потом книжку «Полярной Звезды» на 1824 год. В этой книжке напечатано пять произведений Вяземского: «Гвоздь и молот» (басня), «Воли не давай рукам», «В шляпе дело», «Петербург» и «Давным давно». Возможно, что 3 октября не все эти пьесы были в руках у Рылеева, а может быть, их было и больше: судить трудно, так как Рылеев не называет их и даже не указывает счета их.

То же приходится сказать и о пьесах Ар. Родзянки: в «Полярной Звезде» на 1824 год напечатаны два его стихотворения — «Ответ С. Г. Т.» и «К милой», но какие именно получил Рылеев в октябре и сколько их было — остается неизвестным.

В. Измайлова только одна басня, «Автор и мыши», была напечатана в «Полярной Звезде» на 1824 год, 265 стр., также как одна басня А. Измайлова, под названием «Лгун», напечатана в том же альманахе на 192 — 194 стр. Рылеев говорит, что от А. Измайлова он имел только одну «сказку» и что весь яд этой «сказки» направлен против Свинына, Павла Петровича (род. 8 июня 1787 г. и ум. 9 апреля 1839 г.), литератора и художника и основателя журнала «Отечественные Записки».

В конце письма Рылеев говорит еще об одной «песне» Пушкина, не разрешенной к печатанию цензором. Это — «К приятелю», начинающееся стихами:

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий...

Это стихотворение впервые напечатано было в издании сочинений Пушкина 1826 года.

Кроме известных поэтов и писателей, сотрудников «Полярной Звезды», Рылеев в письме к Туманскому говорит еще о трех своих современниках: Федорове, Свиныне и Барукове.

Борис Михайлович Федоров, род. в 1794 г., ум. 7 апреля 1875 г. Он был стихотворец, драматург и писатель для детей. Он очень рано начал писать патристические пьесы, но ни одна из них успеха не имела и в репертуаре не удержалась. После этих неудач Федоров сделался плодовитым детским писателем. В то же время он пытался издавать альманахи и журналы. В 1833 г. Федоров, по предложению президента Российской Академии — А. С. Шишкова, избран в ее действительные члены, а после ее преобразования был почетным членом отделения русского языка и словесности.

Этот именно Шишков и возглавлял собою «самолюбивое безвкусие старообрядцев нашей словесности», к числу коих и принадлежала «ничтожная и

¹ «В. А. Жуковский и его произведения». Соч. П. Загарина, М., 1883, 287 стр.

мелкая собратия Федорова», как характеризовал Рылеев его и ему подобных писателей в своем письме к Туманскому. Но принадлежность к Академии не дала им таланта и не обеспечила признания их в потомстве.

Если верить Плетневу и принять чтение стихотворения Пушкина «Собрание насекомых» по тексту «Литературной Газеты» № 43, за 1830 г., то стих —

Вот * * мелкая букашка —

под тремя звездочками разумел Борьку (Бориса Федорова)¹.

Павел Петрович Свиньин первоначальное образование получил в Благородном пансионе при Московском университете и в Академии Художеств. Литературные труды Свиньиного стали появляться еще в бытность его в пансионе, в издании «Утренняя Заря», рядом с произведениями Жуковского, Родзянки, Н. И. Тургенева. В 1806 году Свиньин поступил на службу в министерство иностранных дел и до 1818 г. почти все время провел за границею и в путешествиях. Он посетил много стран и городов Европы, был и в Соединенных Штатах Америки. Плодом этих путешествий явился ряд его сочинений: «Взгляд на республику Соединенных Штатов американских областей», «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», «Ежедневные записки» в Лондоне, «Воспоминания на флоте» и др. Вернувшись в Россию, Свиньин изучает прошлое русского народа и современное положение различных русских областей. Из него вырабатывается литератор-бытописатель, этнограф. Он издавал «Отечественные Записки», напечатал «Указатель главных достопримечательностей, сохраняющихся в мастерской Оружейной Палаты», «Достопримечательности С.-Петербурга и его окрестностей», «Картины России и быт различных ее народов» и др. Он даже собирал свой собственный «Русский Музей», в котором были картины Шебуева, Венецианова, Воробьева, Левитского, Брюлова, Кипренского, мозаика Ломоносова, монеты, рукописи и т. п. Не обладая в достаточной степени развитым критическим чутьем, Свиньин нередко в своих сочинениях сообщал непроверенные сведения, а пробелы в фактическом материале заполнял фантастическими догадками. Вот почему к сообщаемым им сведениям и современники относились с осторожностью, а остроумный А. Измайлов нашел в нем подходящий материал для своей басни, напечатанной Рылеевым в «Полярной Звезде» на 1824 год, 192 — 194 стр., под заглавием «Лгун».

✓ Александр Степанович Бируков (род. 2 июня 1772 года, умер 31 мая 1844 года), известный цензор петербургского цензурного комитета с 1821 года. Он, между прочим, цензурировал произведения Пушкина, который не раз то бранил Бирукова, то отзывался о нем с похвалой, как о цензоре снисходительном. 15 марта 1825 года, по выходе в свет первой главы «Евгения Онегина», Пушкин писал: «Бируков человек просвещенный; кроме него я ни с кем дела иметь не хочу. Он и в грозное время был милостив и жалостлив. Ныне повинуюсь его приговорам безусловно». Любопытно, что на Бирукова неоднократно поступали доносы за пропуск сомнительных сочинений. В 1824 году он попал даже под суд за книгу Госнера, католического патера, и дело тянулось до 1828 года и закончилось полным оправданием Бирукова.

Письмо Рылеева к Туманскому сообщает новые подробности из цензурской биографии Бирукова.

«Алек. путешествует с Герцогом и наднях возвратится» — речь идет об Александре Александровиче Бестужеве (Марлинском), который вместе с Рылеевым издавал альманах «Полярная Звезда» и который был адъютантом герцога Виртембергского, Александра, генерала-от-кавалерии, шефа Драгунского полка, управлявшего путями сообщения и публичными зданиями.

¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым. Вступительная статья и примечания М. Цявловского. Ленинград, 1925. 86 стр.

А. Бестужев, офицер Драгунского полка, был адъютантом при главнокомандующем ведомством путей сообщения, еще предшественнике герцога, Бетанкуре. Брат его, Михаил Александрович Бестужев, рассказывает в своих воспоминаниях: «Брат Александр, по обязанности адъютанта герцога Виртембергского, каждое утро должен был являться к нему, а через день оставаться там до вечера по обязанности дежурного адъютанта. Жил он с Рылеевым в доме, занимаемом директором американской компании Прокофьевым, на Мойке, недалеко от Синего моста. Иногда Герцог увольнял его от своих обедов, и тогда он спешил на свои любимые „русские завтраки“»¹.

К 14 декабря 1825 года Александр Бестужев был в Петербурге и участвовал во всех событиях этого дня, как и все 4 брата его.

Источники и пособия:

1. Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева, издание его дочери под ред. П. А. Ефремова. СПб. 1872. То же, издание второе. СПб. 1874.
2. Сочинения К. Ф. Рылеева, изданные под редакцией М. Н. Мазаева. Издание книгопродавца Я. Соколова. СПб. 1895.
3. Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева и А. И. Одоевского с приложением статьи В. Поссе. Издание журнала «Жизнь для Всех». СПб. 1913.
4. Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева. «Библиотека декабристов». М. 1907.
5. «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Соч. В. И. Маслова. «Университетские Известия». Киев. 1911, №№ 1, 2, 9, 11. 1912, №№ 1, 2, 3, 4.
6. «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Дополнения и поправки. В. И. Маслов. Киев. 1916.
7. Из истории литературы двадцатых годов. «Новые материалы для биографии К. Ф. Рылеева». «Вестник Европы», 1888, ноябрь и декабрь. Статья В. Е. Якушкина.
8. «Полярная Звезда» на 1823, 1824 и 1825 г.г.
9. «Звездочка» на 1826 г. в журнале «Русская Старина», 1883, июль, 43—100 стр.
10. «Северные Цветы» на 1825 и 1826 г.г.
11. «Невский Альманах» на 1827 г.
12. «Девятнадцатый век» Петра Бартенева, книга первая, М. 1872. «Воспоминания о Рылееве. Письма и новые думы Рылеева». 312—382 стр.
13. Записки М. А. Бестужева в журнале «Русская Старина» 1870 г., том первый, апрель, 352—364 стр. и июль, 518—527 стр.; том второй, август, 175—193 стр.; 1881 г., ноябрь, 591—658 стр.
14. Воспоминания братьев Бестужевых, редакция П. Е. Щеголева. Библиотека мемуаров «Огни». Петроград. 1917.
15. В. И. Туманский. Стихотворения и письма. Редакция, биографический очерк и примечания С. Н. Браиловского. СПб. 1912.
16. Сергей Браиловский. «Василий Иванович Туманский». Биографический и историко-литературный очерк, с приложением неизданных произведений поэта. Издание журнала «Пантеон Литературы». СПб. 1890.
17. Письма Василия Ивановича Туманского и неизданные его стихотворения. Чернигов. 1891.
18. «Киевская Старина», 1899, март: Туманский и Мицкевич, Н. Ш., 279—302 стр.
19. Сочинения барона А. А. Дельвига, с приложением биографического очерка, составленного Вал. В. Майковым, издание книгопродавца Я. Соколова. СПб. 1895.
20. «В. А. Жуковский и его произведения. 1783—1883». Соч. П. Загарина. Издание Льва Поливанова. М. 1883.
21. Записки княгини Марии Николаевны Волконской с предисловием и приложениями издателя князя М. С. Волконского. СПб. 1904.

¹ Воспоминания братьев Бестужевых, 84—85 стр.

МИНУСИНСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ.

А. К. Кузьмина.

А все по клеветам, ну сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы.

Крылов (Басня: Лисица и Сурок).

Несчастные страдальцы,
Невинный все народ;
Но только пальцы
Им не кладите в рот.

Если я не похвалил русских крестьян за их нравственность, тем менее могут ожидать от меня ссыльные, эта сибирская язва, против которой, вопреки всякой филантропии, нужно сильное лекарство: — виселица; а без того в Сибири будет вечное брожение (не голов, а) ног и бесконечное воровство. Справедливо ли одинакими мерами наказывать людей, в первый раз впадших в преступление, и закоренелых сибирских бродяг, еженедельно попадающихся в разных мошенничествах? Даже за первое преступление у нас сильнее взыскивают, разлучая преступника с родиною, на целые тысячи верст, а в Сибири, когда он сделается бродячим космополитом, ему все равно жить в Енисейской, или Иркутской губернии. Куда там его не переселяйте, он знает, что его не столкнут с земного шара и что он всегда может уйти, переменить имя и снова начать свои похождения с Тобольской губернии.

Я очень понимаю, что наказанием не всегда можно исправить, что от излишней строгости порождается у преступников ожесточение, что в Англии, где вешают за воровство, у исполнителей правосудия крадут из карманов кошельки; но виселица, хотя бы одна на целую губернию, принесла бы ощутительную пользу. Пусть эта мера исполняется со всею осмотрительностью, над одними неисправимыми, закоренелыми преступниками и допускается не более двух, трех раз в течение года, тогда произошло бы спасительное действие. В России смертная казнь редкость, она произвела бы на преступников сильное впечатление, смотря на мотающегося своего товарища иной призадумался бы: «не пора ли и мне остепениться, не ровен час, не подернули бы и меня на вислые качели!» А теперь ссыльные ничего не боятся, зная, что какое они не сделали бы преступление, им не дадут более 50 ударов кнутом, а если кто из них успеет задобрить

палача, то ему только почешут спину, по выражению Ваньки Каина. Они подшучивают и острятся над своими преступлениями и наказаниями: сеченных кнутом, как привязываемых к столбу, величают столбовыми дворянами, а наказанных плетью полированными. Тот из них рыбак, потому-что на Волге ловил двуногих ершей; другой портной, потому-что стегал вязовой иглою, третий слесарь, потому-что без ключей отпирает замки, и так далее. Начните уговаривать ссыльного, зачем он ворует, зная, что за это наказывают плетью, и он наверное ответит вам затверженною фразою, которая между ними вошла в поговорку: Эка важность, я и толще видал, то есть: он знаком и с кнутом.

Проезжая через одну деревню, у меня испортилось колесо, и человек десять крестьян собравшись вокруг моего тарантаса ничего не могли сделать. Вдруг подходит один поселенец, осмотрел колесо, взял топор и в пять минут кончил починку. Я похвалил его за сметливость, а он отвечал указывая на крестьян: где им ваше В. Б. что знать! я уже три раза плетью сечен.

— Чем же тут хвастать?—спросил я у него.—Если бы ты был порядочный человек, то с твоим искусством мог бы честно и покойно жить, а теперь шатаешься по Сибири.

— Наш брат, ваше в.-б., нигде не пропадет,—отвечал он.—Меня посадили в острог, а в остроге выбрали старостой.

Скажу кстати, что поселенцы считают острог собственным домом, нарочно для них выстроенным. Если посадят туда крестьянина, то поселенцы бранят его: зачем к нам пришел! Острог государь для нас выстроил!

Многие из поселенцев усвоили себе характерные прозвища: тот Иван Бесстрашный, этот Семен Отчаянный, тот Пугачев, этот Головорезов. Другие напротив через-чур скромные не помнят своих ни имен, ни прозваний: Карп без-отчества, Трофим без-имени, Петр без-прозвания и наконец без имени и Отчества. Это почтеннейшие господа бродяги, не утомимые путешественники не помнящие родства, которые не знают откуда они, где были, даже что делали вчера, но в сущности первые плуты и мошенники. Я готов скорее извинить каторжного, который в порыве пылкого, необузданного своего характера однажды сделался убийцей и может быть целый век раскаивается в необдуманном поступке, нежели поселенца-бродягу, не помнящего родства, мелкого воришку таскающегося по белому свету к беспрестанной тревоге всех честных людей. Бродяге, как ни было бы хорошо жить, не живет в одном месте. Иной числен в старинное крестьянское селение, избавлен, по незначительной болезни, от всех податей и повинностей, земли может пахать сколько угодно и пользоваться всеми выгодами своей деревни: казалось бы чего более желать? Он бесподатной человек, тот же наш брат дворянин и даже с землею собственностью, живи и заводись хозяйством! Не тут то было. Страсть к бродяжеству гонит его иногда из собственной хижины в чистое поле. Чуть вскроется весна, зазеленеет лес и запоет кукушка, бродяги говорят:

«Генерал Кукушкин повешает в поход», и с этой общепринятой поговоркой отправляются, куда глаза глядят. Пока они мне не надоели, я находил в их жизни поэтическую сторону. Из желания совершенной независимости, они живут под открытым небом, спят в лесах и оврагах и нередко питаются сараною¹, кандыком², карлыком³, черемшюю⁴ и другими снедами благословенной южной Сибири. Но эти постники, эти сыны свободы, беспрестанно воруют по деревням скот, воруют на пашнях хлеб и платье у оплашальных земледельцев и если кто из них до наступления морозов не попадется в руки полиции, тот переименовав имя сам объявляет, в первом городе, что он бродяга, ничего не помнящий. Его сажают в покойный острог, хорошо кормят, дают зимнюю одежду и как не видно чтобы он сделал какое-либо преступление, то немного посекши — за что он и не в претензии, — назначают куда либо на жительство. На новом месте иногда до весны он успевает жениться (может быть уже в 5 раз) и, повинувшись новой повестке генерала Кукушкина, опять отправляется в поход, и так далее, до тех пор, пока роковая пуля уложит доброго молодца на земной поверхности, на пир волкам и коршунам. Сибирские крестьяне, ожесточенные их поступками, стреляют их как белок: у редкого нет на душе пары покойников.

Вот каким образом безвременно гаснет большая часть этого народа, который при лучшем порядке населил бы дикие пустыни. Нельзя сказать, чтоб правительство не заботилось об улучшениях; но оно не теми головами придумывает средства. Сибирь страна обширная, требующая короткого знакомства с местностью, и чтоб издать для нее какое-либо постановление, не достаточно одного здравого смысла. Почему бы при всяком нововведении не спросить мнения местного начальства? и не одних губернаторов, но и других чиновников, которые чем меньше, тем знакомее с настоящим положением дел. Не велика беда, если эти чиновники напишут кучу нелепостей: над ними посмеются и вреда никому не будет, а между тем правительство сделает приобретение, узнавши степень образования людей, допускаемых к управлению. Но может быть иной из тех чиновников скажет чтонибудь и путное, чего никогда не забредет в череп петербургскому юристу, будь он хотя семи пядей во лбу! Бывало невольно улыбнешься, получивши какой-нибудь указ, служащий к улучшению края, и подумаешь: откуда берут такие фантастические предположения! Для примера буду говорить об одних ссыльных. Велели выдавать по 150 р. награждения сибирским крестьянам, которые примут ссыльных во двор к себе, в зятя. Охотников явилось не мало, и денег побрали довольно, но водворение шло не удачно, потому что и между крестьянами есть много негодяев. Деньги вообще были пропиты, зятя, по заведенному порядку, разбежались,

¹ Луковицею сараны, которая принадлежит к роду лилий.

² Корень кандыка мучнист и питателен.

³ Карлык — дикая греча.

⁴ Черемша — дикий лук.

а не задавшийся указ отменен. Другой указ: за поимку всякого ссыльного давать 10 р. награждения. Тут обнаружился дух торговли и беспрестанных спекуляций. И ловец и ловимые делили пополам красные ассигнации, осаждая ежедневно целыми сотнями присутственные места. Правительство не справились сколько в Сибири ежегодно, средним числом, бывает беглых и не знало, что там бежать всякому очень легко. Даже каторжные, приписанные к заводам, не содержатся в казематах, а живут на свободе собственными домами, следственно, кто нынче пойман, завтра может опять уйти, и казна раздала бы миллионы, не сделавши на рубль пользы. Однако ж скоро опомнились и этот указ как незадавшийся, приостановили. Вот так-то у нас издаются законы!

Степанов, в изданном им сочинении «Енисейская губерния», не обращает должного внимания на прекращение бродяжества в Сибири и, воспевая канон правительству¹, говорит, что оно, отделивши вредного человека от общества, уже сделало все свое дело; что Сибирь есть одна обширная тюрьма и следственно все равно в каком бы углу тюрьмы ссыльный ни находился, лишь бы не вышел из ее пределов: эта мысль совершенно не основательная! Стыдно Степанову, который был в Сибири губернатором, забыть, что там находится более двух миллионов коренных жителей, не почитающих Сибирь тюрьмою, а своею родиной и требующих у правительства защиты от вредных насекомых, которые беспрестанно подтачивают их благосостояние. Я мог бы сказать многое, как к удержанию бродяжества, равномерно и по другим предметам касательно улучшения сибирского края; но записки частного человека, не обрекаемые в печать, не должны унижаться до сухости официального проэкта, следующего на милостивое воззрение министерства внутренних дел.

Ссыльные в Сибири разделяются на два главные разряда: на больших преступников, или каторжных, назначаемых в разные заводы, и на поселенцев, следующих к водворению, на правах казенных крестьян, с тою разностью от последних, что они, как люди наказанные, не избираются в почетные должности, не принимаются в свидетели и, в случае торговли ими производимой, получают пашпорты по одним Сибирским губерниям. В Енисейской губернии, по неимению других заводов, причисляют каторжных на винокуренные и солеваренные заводы. Впрочем, и на рудоконных заводах работа не изнурительна: один копает руду, другой рубит лес, третий занимается возкой и так далее. Каждый, выполняя свой урок, свободен и остальное время может употребить на домашнее хозяйство; а если он в состоянии нанять вместо себя работника, то совсем освобождается от казенной работы, заводит харчевню и даже мелочную лавочку. С дворянами, следующими в каторжную работу, если они не унизили себя поведением, обращаются еще лучше. Их не назначают ни в какие черные работы: кто вахтером у приема

¹ Степанову выдало правительство 10 т. р. на напечатание его книги.

каких-либо вещей, кто пишет в заводской канцелярии, кто обучает заводских мальчиков грамоте и прочее. К чести сибирского сурдо-болия должно сказать, что ссыльных дворян не называют там даже преступниками, а просто «несчастливыми», и кроме официальных случаев, принимают в дворянское общество. Костюм их большею частью партикулярный сюртук или (при усах) венгерка с шнурками.

Для отдельного водворения поселенцев устроены в Енисейской губернии особенные казенные поселения. Пять таких деревень, с двумя тысячами работников, основал я в Минусинском округе. Казна дала все нужное для первоначального обзаведения. Половина из этой ссуды прощалась поселенцам, а другая, следующая к возврату, разлагалась на сроки, и сверх того давалась им длинная льгота от всех податей и повинностей. Не знаю как теперь, но при мне поселения росли с большим успехом, работы от побегов не останавливались, хотя с полною вероятностью можно предсказать, что в отстроенном доме будет жить не тот хозяин, который положил в основание первое бревно. Казенные поселения, при строгом надзоре, принесут значительную пользу, избавя коренных жителей от общего сожительства с порочными людьми.

Если бы знали наши помещичьи крестьяне, как хорошо путному поселенцу жить в южной Сибири, то половина из них ушла бы туда наверное. Здесь они крепостные, там вольные; земля прекрасная и сколько угодно; лесу достаточно; рыбные ловли богаты. Словом, там для крестьянина — царство небесное. Некоторые из поселенцев понимают это, остепенились и живут прекрасно, другие вышли в купцы и торгуют на десятки тысяч; но это редкие, золотые песчинки, сверкающие в большой куче черного шлихту и дресвы.

Кроме вышепомянутых двух разрядов ссыльных, еще есть в Сибири так называемые государственные преступники, несчастные рыцари 14 декабря 1825 года. Они, говоря вообще, люди с умом, даже, может быть, желавшие добра России; но увлеченные ложным правилом: «для предположенной цели не быть разборчивыми в средствах», они по русской пословице: не зная броду — сунулись в воду. — Всем известна их история и печальная развязка. Для мелочного любопытства я поговорю о пяти из них, находившихся у меня под надзором в Минусинском округе.

1-й. Краснокутский, бывший действительный стат. совет. и обер-прокурор. Он был племянником председателя государственного совета, князя Кочубея, мог надеяться на блистательную будущность; но судьба решила иначе и вырыла ему могилу в холодных недрах Сибири. Его по лишении чинов и дворянства послали прямо на поселение куда-то за Якутск, к Ледовитому морю, что гораздо хуже всякой каторжной работы. Краснокутский, будучи 40 лет и имея слабое здоровье, не мог перенести трудностей дороги, и за болезнью был оставлен в Якутске, всего только за 8781 версту от Петербурга! Потом через год, по ходатайству родных, переведен ко мне в Минусинск, на юг Сибири, где его здоровье хотя несколько и укрепилось,

но простуженные ноги постепенно отказались от своего назначения. Впоследствии времени, для лучшего медицинского пособия, ему дозволили переехать в Тобольск. Дорогою разбили его лошади, от чего он и умер.

Краснокутский на своем веку видел свет и людей, знал кучу анекдотов, хорошо говорил, почему и был приятным собеседником целого города, а особливо в такой отдаленной стране, где надобно более жить умственною, а не действительною жизнью. Я с ним был довольно дружен и ежедневно вместе. Не заводя речей о политике, как предмете для него щекотливом, мы находили что говорить в длинные зимние вечера. С ним жил вместе товарищ его Кривцов, человек также умный, и еще было у меня человека два минусинских чиновников, с которыми можно было обменивать мысли: вот люди, составлявшие круг ближайшего моего знакомства.

Краснокутский выстроил в Минусинске хорошенький домик, получал в год тысячи две рублей от родных и жил как какой-нибудь отставной чиновник, к которому иногда съезжалась вся минусинская знать поиграть в вистик. Губернатор Степанов, при обозрении моего округа, также бывал у него в гостях.

Подумаешь, как судьба играет людьми! В другое время я подождал бы в зале у Краснокутского, пока он выйдет из кабинета, а в Минусинске ко мне примчал его жандарм в почтовой телеге. Как теперь помню: я сидел за обедом с двумя гостями, вдруг входит к нам человек среднего росту, бледный, с узким лбом, черноволосый и с большими бакенбардами. По расстроенному его взгляду и неровным шагам я счел его за помешенного и спросил довольно грубо: что надобно?

— «Честь имею явиться, я государственный преступник Краснокутский».

Вслед за этим жандарм подал мне куверт от губернатора Степанова, что такой-то отправлен на жительство в Минусинск под присмотр полиции, и чтоб я ежемесячно доносил по секрету о его занятиях и поведении. В пакете вложено было от губернатора партикулярное письмо, делающее честь его сердцу: он просил меня оказывать Краснокутскому всякую помощь и защиту.

2-й. Кривцов, бывший подпоручик гвардейской конной артиллерии. Его прислали в Минусинск после двухлетней каторжной работы, Иркутской губернии из Петровского острога, выстроенного нарочно для государственных преступников, где они были соединены вместе, для удобнейшего надзора. Там был у них комендантом генерал-лейтенант Лепарский, честнейший и добрейший старичок, который делал им все снисхождения, какие только можно было согласить с данной ему инструкцией.

Вся каторжная работа государственных преступников заключалась в молотьи ручными жерновами ржи, пуда по два в сутки на человека. Часто две трети преступников, под разными предлогами, оставались дома, и только третья часть выходила на работу. Даже

из этой трети кому угодно позволялось за себя нанимать работать солдат, свободных от караула. На миру, говорят, смерть красна: государственные преступники, по мере сроков выпускаемые на поселение в разные места Сибири, нередко тужили в одиночестве по Петровскому острогу, где у них много было книг, физических инструментов и прочих ученых принадлежностей. Некоторые из них, знатоки своего дела, читали в остроге, для своих товарищей, публичные курсы математики и словесности; многие выучились там разным языкам, которых не знали на свободе.

Жены государ. преступников почти все показали себя героинями, заслуживающими память в фамильных преданиях. Им иначе не позволялось отпрапляться к своим мужьям, как лишась дворянства и всех званий, какими пользовались бы они, оставшись дома. Они должны были именоваться просто: женами государственных преступников, и в случае смерти мужьев, не имели права, без высочайшего разрешения, оставить Сибири. Почтенные супруги, верные и в несчастии мужьям своим, на все с охотой соглашались; воспитанные в роскоши и изобилии, заблаговременно учились мыть белье и стряпать, хотя впоследствии и не доходило до такой крайности. Они настроили около Петровского острога чистеньких, светленьких домиков, и своею любезностью не допустили одичать бедных преступников. Где появится женщина, там проглянет роскошь: сметливые Вязниковцы, известные в России под именем разнощиков, завели в Петровском лавки с разными товарами, и до 1828-го года пустая деревенька, приняла вид торгового селения.

Кривцов был молодой, видный мужчина, имевший иногда столько духу, чтоб посмеяться над своим несчастьем. Раз при мне, шутя, говорил он Краснокутскому:

— Пусть я побуянил, молодому человеку извинительно, хотя и разжаловали, не велика был птица; но вам-то, сударь, как не стыдно, вы были военный генерал! Посмотритесь в зеркало: есть седые волоса.

Я часто брал Кривцова для компании при разъездах по Минусинскому округу. Как кавалерист, он знал толк в лошадях и помогал мне покупать их для казенных поселений.

Года три провел Кривцов в Минусинске, пока дозволили ему вступить в солдаты. Я отправил его в Грузию, с желанием счастья и давши на дорогу тысячу рублей в займы. В 1839 году мой добрый знакомый Кривцов возвратился из Грузии в отставку прапорщиком артиллерии и вновь поживает в своем селе Тимофеевском (Орловской губ., Болховского уезда), всего от Симонова в 130 верстах. Я теперь с ним в переписке и надеюсь на скорое свидание. Вот скачки в жизни. Был гвардейской офицер, потом государственный преступник, в кандалах, в каторжной работе; потом поселенец г. Минусинска, потом солдат в Грузии, и опять офицер и в отставке на родине. Это почти воскресение из мертвых!

3-й и 4-й. Два брата Беляевы, мичманы гвардейского экипажа. Эти очень молодые люди имели характер мягкий и склонный

к убеждению. Познакомясь с либеральными идеями, они до самозабвения уверены были в справедливости своего дела, и лично вывели на площадь обманутый ими гвардейский экипаж, который, под предлогом отстаивания прав цесаревича Константина, требовал конституции, полагая, что это жена Константина Павловича, княгиня Лович, не пользующаяся правами императорской фамилии. После печальной развязки дела, находясь в Петровском остроге, Беляевы попали в набожный круг и по восприимчивости характера сделались религиозными до энтузиазма. Принимая постигшее их несчастье за небесную кару, они чистосердечно раскаивались в своем преступлении и, находясь в каторжной работе, почитали грехом уклоняться от ручного мукомолья. В Минусинске они по возможности помогали бедным, каждый день ходили к обедне и почти каждый день были обманываемы тамошним честным народом, который не упускал случая пользоваться излишнею их добротой. Вот обрашки их доброты.

Однажды они заметили, что нанятые ими из поселенцев работник с кухаркою часто ссорятся между собою, почему один из Беляевых распорядился ежедневно ходить в кухню для чтения Евангелия; а как этого не было в уговоре, то работники просили прибавки жалованья, и Беляевы на это согласились, как на средство к водворению духа смирения и кротости.

В другой раз они купили дешево у инородца корову, и многие говорили им, что корова дороже стоит. Беляевы подумали, не ошибся ли продавец, и тревожимые совестью, решились его отыскать.

— Не раскаиваешься ли ты, что дешево продал корову нам.

— От чего раскаиваться: на это была моя собственная воля.

— Все так; но может жена твоя не довольна этою продажей.

— Нет, мы продали по обоюдному согласию, у нас еще осталось сорок коров.

— Однакож, послушай, милый, нам все говорят, что твоя корова дороже стоит, и мы решились прибавить тебе два рубля.

— Ну, давайте, если хотите.

Хорошо, что они имели дело с добродушным ясным, сметливый поселенец отыскал бы в корове неслыханные достоинства и надул бы их рублей на десяток.

Беляевы заводили в Минусинске мельницу и молотильную машину; но «простота хуже воровства», дела их шли плохо, и они, при самой умеренной жизни, года в четыре прожили все свое состояние, состоявшее из семи тысяч рублей. Недавно писали мне из Минусинска, что им позволено вступить в солдаты. От всей души желаю им счастья!

5-й. Фаленберг, свитский подполковник, воспитанник Петербургского лесного корпуса. Из первого выпуска взято было, за отличные успехи, несколько человек, в тогдашние колоновожатые, и я очень помню, как нам ставили их в образец прилежания. Я не застал Фаленберга в лесном корпусе и познакомился с ним в Минусинске.

синске. Он сам рассказывал мне, и все его товарищи подтверждали, что он более вины своей наказан. Его много-много следовало разжаловать в солдаты с выслугою; а он выдежурил в каторжной работе, наравне с Беляевыми, бывшими с оружием на площади. Вот история наклепанного им на себя несчастья.

В Тульчине, после одной веселой пирушки, где шампанское разгорячило умы, князь Барятинской спросил у него наедине: готов ли он на все благородное и прекрасное, для пользы и чести России? И после утвердительного Фаленбергова ответа, продолжал:

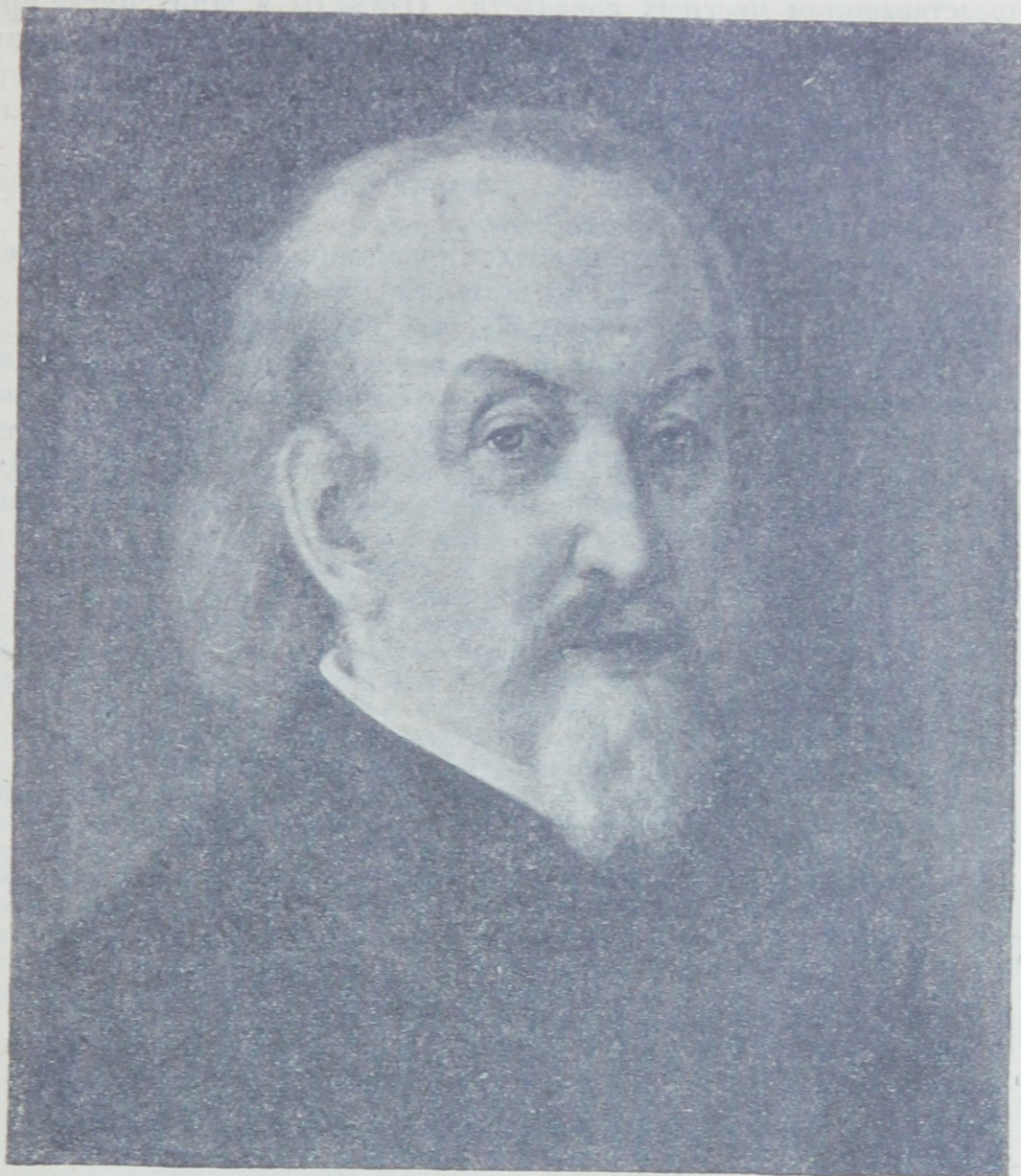
— Дай же руку, товарищ, впоследствии ты все узнаешь; а теперь скажу тебе только то, что у нас есть заговор с возвышенной целью, которого главою полковник Пестель.

Этот разговор был не задолго до развязки дела, а потому Фаленбергу не удалось узнать подробностей.

При следствиях и допросах все преобразователи России упали духом и выдали друг друга, почему и Фаленберг был арестован. Во время ареста, по несчастью, увиделся он с дальним своим родственником Раевским, сыном известного генерала Раевского, который в Отечественную войну, для поощрения солдат к сражению, выставил вперед двух своих малолетних сыновей, и из них-то один был посетителем Фаленберга. Раевский советовал ему быть откровенным, уверяя, что государь только хочет знать всю правду и непременно всех простит; а в доказательство указывал на себя, как уже пользующегося свободою ¹. Фаленберг так и сделал; но когда следователи, полагая, не знает ли он чего более, делали ему разные хитрые вопросы, также обнадеживая милостью государя, то Фаленбергу пришла странная мысль кое-что на себя прибавить. Он думал этим отделаться и поскорее возвратиться к молодой жене, которая готовилась подарить его первым ребенком. Будучи мало виновным, он полагал, что мало сказал и что это не примут за полное признание. Короче сказать: он совершенно растерялся в рассудке, наговорил на себя три короба и когда, вместо ожидаемого прощения, его посадили в Петропавловскую крепость, он опомнился, вздумал отпираться; но уже было поздно: по русским законам собственное признание «паче всего света».

Жена Фаленберга, из любви к которой он столько наделал себе бед и глупостей, давно уже вышла замуж за другого. Впрочем, говорят, ее обманула мать, богатая, честолюбивая женщина из фамилии баронов Розеных, сказавши, что Фаленберг умер. Однажды теща вздумала прислать ему 500 рублей; но Фаленберг не принял, хотя и не имел никакого состояния. Я помог ему выстроить мельницу о четырех поставах и исходатайствовал ежегодный пенсioen

¹ Говорят, что государь точно простил этого, замешенного в бунте, Раевского, во уважение заслуг отца. Равномерно простил он сына фельдмаршала Витгенштейна, который сам прислал его к государю. Суворова внуки, завербованные Кривцовым, с которыми он вместе воспитывался в Швейцарии, также были прощены. Говорят, государь сказал: «Я не верю, чтоб внуки великого человека могли быть изменниками», и вычеркнул их из списка.

С. Г. Волконский (с маслян. портр. Х. Рейхеля).

в 200 рублей; да сверх того паек и одежду, какая следует простому ссыльному, что составляет более 50 р. в год.

Курьезное дело этот пенсioen! Дошло до сведения государя, что многим государ. преступникам, выходящим из Петровского завода на поселение, по бедности нечем себя содержать, почему и назначил он выдавать таковым вышеприведенное пособие из сумм кабинета, по представлениям местных начальств. Однажды в Минусинске приходит ко мне разжалованный поручик Свешников, который ранил своего полкового командира, сослан был в каторжную работу, а оттуда, по слабости здоровья, выпущен на поселение и считался в числе обыкновенных преступников.

— Позвольте мне, Алек. К., говорит он, — подать вам просьбу?

— О чем? — спрашиваю я.

— Хочу проситься из простых преступников в государственные: им дают пенсии, а я, по бедности, умираю с голоду.

Признаюсь, я не скоро нашелся, что ему отвечать.

По выезде моем из Сибири, Фаленберг женился на одной хорошенькой казачке, дочери зажиточного станичного казака. Может быть добрая жена усладит остаток его жизни, которая вероятно должна кончиться в Сибири, потому что в пятьдесят лет трудно, в солдатской протупее, пролезать в офицеры, через кавказское окно.

ПРИМЕЧАНИЯ

к статье А. К. Кузьмина

«минусинские ссыльные».

Александр Кузьмич Кузьмин родился 31 августа 1796 года в селении Симонове, Мещовского уезда, Калужской губернии. До десятилетнего возраста он воспитывался в родительском доме, вместе с младшим братом Николаем. Дом Кузьминых, повидимому, принадлежал к среднему дворянству и едва ли был чем-нибудь известен в прошлом. По крайней мере А. К. Кузьмин дальше деда никого не знал из своего рода, да и о деде мог сообщить только записку, сделанную отцом Александра Кузьмича на Киевском Патерике: «1789 года апреля 3 дня, бывшее на страстной неделе во вторник, в 10 часов утра, представился родитель мой, Стефан Федорович Кузьмин, от роду 55 лет». Осенью 1806 года сама мать отвезла обоих своих сыновей в Смоленскую гимназию. В Смоленске учение шло очень успешно, но отец предпочел, через два года, Калужскую гимназию, как ближайшую к имению: вместо 200 верст — 100. Но здесь успехи были весьма неудовлетворительные, и А. К. несколько не жалел, что еще через два года обоих братьев перевели в лесной институт, находившийся близ Козельска и всего в 70 верстах от Симонова. Отец мальчиков на вопросы знакомых, какие он имеет виды, отдав детей в «лесники», коротко отвечал: «чтоб не вертелись на глазах». В институте всем делом заправляли и обучали три брата-немца: Каспар, Мельхиор и Антон Богдановичи фон-Вюльфинг. Каспар был директором. Он был масон и имел большие связи и поддержки в Петербурге. Первый выпуск своих кадет он возил в Петербург на экзамен, где многие отличились и получили чин 12 класса. В 1813 году Калужский лесной институт, однако, соединили с Петербургским, куда и перевезли всех кадет, а в том числе и братьев Кузьминых. 3 сентября 1814 года, через полтора года по приезде в Петербург, калужским и другим питомцам лесного института произведено публичное испытание, и А. К. был выпущен в лесные ревизоры в Рязанскую губернию.

Пребывание в школах не осталось бесследным. А. К. рано обнаружил пристрастие к поэзии. В «Инвалиде»¹ была впервые напечатана его басня «Комар и муха»:

Однажды комару так муха говорила:

«Какая ты, комар,

Несноснейшая тварь!

Я в жизнь мою глупей тебя не находила!

Зачем шуметь, зачем пищать,

Когда собираешься кусать?»

¹ «Русский Инвалид», издававшийся Пезаровиусом, за 1813, 1814 и 1815 гг. видеть не удалось, а в юбилейном издании: «„Русский Инвалид“ за сто лет» (юбилейный очерк). Часть I. 1 февраля 1813 — 1913. СПб. 1913, указание на басню не нашлось. К сожалению, в этом издании не дано указателя ни авторов ни статей за первые годы газеты.

Все слышат, ждут, — и мало толку!
А ты кусай без крику, втихомолку».

Комар на дружеский совет
Такой сказал ответ:

«Пред скрытым явный враг честнее будет вечно,
Противнику он даст сигнал для оборон;
А тихо уязвлять таким душам прилично,
Каков Наполеон».

Поэтические опыты Кузьмина впоследствии повторялись не часто и не в большом количестве.

В 1812 году кадет распустили по домам, хотя они и заявили о своем добровольном желании сразиться с врагами. Александра Кузьмича вскоре постигло несчастье: 9 сентября в Землянке скончалась его мать, Елизавета Сергеевна, рожд. Семичева, после несчастных родов. Отец в это время служил в ополчении. А. К. рассказывает об этой службе отца: «Бывало просто в спальном тулупчике батюшка выйдет пред свой батальон, командует: Шапки долой!.. Здорово ребята! и дело кончено. Таким образом без мундира прослужил он два месяца, и в октябре уволен в отставку, по уважению к многочисленному малолетнему семейству (девять человек детей). Все время службы своей батюшка простоял с ополчением верстах в 60 от Симонова, в Чугунном заводе помещицы Гончаровой».

Прослужив в Рязанской губернии около 5 лет, Кузьмин в 1819 году департаментом государственных имуществ прикомандирован был в Казань, к правлению низового округа корабельных лесов, для выдела заказанных корабельных рошей, чем в то время хотели обеспечить наш флот в строительном материале. В 1819 году Кузьмин, в составе корабельной комиссии, осматривал леса Казанской губернии, а летом 1820 года путешествовал по Нижегородской губернии. Своеобразны были в то время занятия. Кузьмин в своих записках откровенно вспоминает: «Я не думаю, чтоб в остальной мой век досталось мне выпить столько шампанского, как в два лета, проведенные на службе при корабельном правлении... Например, Лукьяновского уезда в городе Починках угощал нас обедом смотритель коннозаводской волости. Гостей было 15 человек, выпито 62 бутылки: слишком по четыре на каждого».

4 декабря 1820 года Кузьмин распрощался с Казанью и поехал в Петербург искать форштмейстерского места. Директор департамента государственных имуществ А. С. Лавинский, непосредственный начальник Кузьмина, был расположен к нему чрезвычайно благосклонно и после посвящения ему Кузьминым новой своей поэмы «Кот в аде»¹, обещал ему первую вакансию. Но вакансии без денег не открывались, и Кузьмин должен был подарить по департаменту около 500 рублей. Тогда он получил место форштмейстера в Тульской губернии в уездах Тульском, Алексинском и Крапивенском. Поселился Кузьмин в Алексине и прожил здесь пять лет. Честолюбие и желание

¹ Особого издания поэмы А. Кузьмина «Кот в аде» видеть не удалось. Поэма переиздана Александром Бурцевым в «Описании редких российских книг», части II, СПб., 1897, 451—481 стр., под таким заглавием: «„Кот в аде“, забавная поэма. Творение на немецком языке Г. Захарии. С прозаического перевода Г. Туманского, напечатанного в С.-Петербурге 1791 года, вольное предложение стихами Александра Кузьмина. СПб. В типографии департамента народного просвещения. 1821». На обороте заглавия цензурская надпись, февраля 10 дня 1821 года: «Цензор Статс. Совет. и Кавал. Иван Тимковский». Следующая страница занята посвящением: «Его превосходительству господину тайному советнику, директору департамента государственных имуществ и кавалеру Александру Степановичу Лавинскому, усерднейше посвящает сочинитель», и на обороте страницы двустилие:

Когда б я написать что лучшее умел,
Безделицу сию поднести бы вам не смел.

дальнейшего движения по службе побудило его послать просьбу в Иркутск, к тому же Лавинскому, который в то время был уже генерал-губернатором Восточной Сибири. Лавинский вспомнил автора «Кота в аде» и охотно принял его к себе на службу. 16 октября 1826 года Кузьмин распрощался с отцом и родными и отправился в Иркутск. 1 января 1827 года он приехал в Красноярск, за тысячу еще верст до Иркутска. В Красноярске в то время губернатором был Александр Петрович Степанов, мещовский помещик, к которому Кузьмин привез письмо от его матери. Степанов обрадовался земляку, и между ними произошел следующий разговор:

— Куда вы едете?—спросил Степанов у Кузьмина.

— В Иркутск.

— К какой должности?

— Не знаю. Генерал-губернатор, к которому являлся я в Москве, на первый раз зачислил меня при себе.

— Какое же он вам даст место?... Я предлагаю вам место окружного начальника в Минусинске, где вы сами будете маленьким губернатором и во время моих приездов будете кормить меня душистой малиной со сливками.

Кузьмин отправил Лавинскому просьбу разрешить ему начать службу по Енисейской губернии, а Степанову о том же форменное представление. Лавинский после коронации был в Петербурге, куда к нему и направлена почта. Вернувшись в Иркутск, Лавинский, по ходатайству Степанова, утвердил Кузьмина минусинским окружным начальником. За распутием Кузьмин мог отправиться в Минусинск только в мае следующего 1827 года.

Минусинск до 1823 года был простым селом—Минуса—и в 1823 году был только переименован в город, с маленьким изменением в названии. Внешний вид продолжал оставаться деревенским. Дома обывателей стояли с волоковыми окнами, с пузырями, вместо стекол, с высокими из драни кровлями, а большая половина совсем без кровель, с растущей на потолке крапивой, и вдобавок без ворот и заборов. Скот ночевал на улицах, и от навоза не было прохода. Дорог не было, и обыватели едва перекачивались в телегах по кочкам, образовавшимся от кустов пикульника (*iris sibirica*). «Вот каким нашел я Минусинск в 1827 году, — пишет сам Кузьмин, — не таким оставил я его в 1836. Присутственные места переделаны, казначейство выстроено новое, с особенною при нем каменною кладовой; словесный суд новый; градская полиция новая, — с высокою каланчою, на которой всегда отбивались часы; острог выстроен новый, гауптвахта новая; соляной и провиантский магазины новые; гостинный двор новый; городская больница новая. Везде выпрямлены улицы, построены заборы, ворота, мосты, не говоря о поправке частных домов, которые явились с колоннами, фронтонами, балконами и итальянскими окнами—и все это в лучшем вкусе, с архитектурных чертежей, обито тесом, раскрашено... Смело, без хвастовства могу сказать, — заключает свое описание Кузьмин, — Минусинск—мое создание».

«В этом-то маленьком городке, с двумястами домов, отдаленно от Москвы более 4½ тысяч верст, — вспоминал потом Кузьмин, — я прожил не скучая, вместо трех контрактных, целых восемь лет. Жизнь текла тихо, однообразно, но имела много приятного, много поэтического, так что я и теперь (в 1839 году) вспоминаю о ней с большим удовольствием. Будучи первым лицом в целом округе, превосходящем пространством французское королевство, я старался всеми силами оправдать доверенность начальства, старался иметь хороших чиновников и быть беспристрастным. Меня многие почитают богатым человеком, выехавшим из Сибири с большим состоянием... Я возвратился в Симонovo с 27-ю тысячами рублей ассигнациями... плод осьмилетней экономии одинокого холостяка»...

В 1835 году Кузьмин в Минусинске женился, вскоре оставил Сибирь и поселился в своем родном Симонове. Здесь, в отставке, имея семь человек детей и получая ежегодной пенсии только 500 рублей ассигнациями, Кузьмин принужден был заняться управлением имением Кривцовых в Балашовском уезде. Здесь, повидимому, он и скончался, но, к сожалению, неизвестно в каком году. Несомненно, он умер после 1858 года, когда под инициалами печатались в «Атенее» отрывки из его записок. Но он дожил до 1861 года, когда, после

его кончины, А. П. Беляев занял его место управляющего имением Кривцовых. Так можно судить по тому, что А. П. Беляев определяет срок своего управления имением от кончины Кузьмина до времени писания своих воспоминаний в 18 лет. А предисловие к печатному изданию воспоминаний подписано Беляевым 21 февраля 1879 года. Но это только догадка, так как между временем писания воспоминаний и временем печатания их мог пройти свой срок.

Из литературных работ А. К. Кузьмина выше уже отмечены басня «Комар и муха» и поэма «Кот в аде». В своих записках Кузьмин вспоминает еще о своих произведениях, написанных в Красноярске. В 1827 году в Красноярске составилось литературное общество, в котором Кузьмин был членом и своими трудами участвовал в «Енисейском альманахе». В «Енисейском альманахе»¹, в разделе «Поэзия», напечатаны четыре стихотворения за подписью «Александр Кузьмин»:

1. «Отрывок из первого действия трагедии: Евпраксия, или пример супружеской верности. Действие происходит в татарском военном стане, на границе удельного княжества Рязанского. Театр представляет внутренность ханского шатра». Действующие лица: Батый, хан татарский, и Темир, любимец его (20 — 27 стр.).

2. «Странник», начинается стихами:

Странник! В хижине смиренной
У обмерзлого окна,
Что грустишь уединенной?
Чем душа твоя полна? ... (36—38 стр.).

3. «Блаженства», начинается стихами:

Блажен, кого Авроры свет
К мирским делам не призывает,
Кто враг забот и враг сует,
Кто в сне приятном утопает... (46 — 48 стр.).

4. «Минусинский край», начинается стихами:

Я видел мощный Енисей,
Где он стрелой летит из края
Родной Монголии своей,
Хребет Саянский рассекая... (49 — 52 стр.).

В бумагах декабриста С. И. Кривцова хранились еще два стихотворных произведения Кузьмина: шутливые стихи, помеченные 15 ноября 1831 года, «На отъезд в Грузию Сергею Ивановичу Кривцову от А. Кузьмина», и четырехстишие на памятнике собаке, знакомой и Кривцову по Минусинску².

О напечатании поэмы Кузьмин тоже приводит любопытные подробности в своих записках. «Поэма „Кот в аде“, — говорит он, — была напечатана мною в 1821 году особою книжкой и наделала мне много хлопот. Я переложил ее в стихи, находясь в Казани, с старинного прозаического перевода г. Туманского, и по совету приятелей решился напечатать. Казанский цензурный комитет, куда я представил рукопись, поручил просмотреть ее тамошнего университета профессору словесности Городчанинову, которого одно название „Кот в аде“ напугало до смерти. Он не хотел пропустить переселения душ, как пифагореизм, противный христианству; в церемониальном шествии к Мурнаевой

¹ Заглавный лист «Енисейского альманаха»: «Енисейский альманах на 1828 год, Ивана Петрова. Красноярск». На обороте: «Печатать позволяется с представлением семи экземпляров в цензурный комитет для казенных мест. Москва, 1828 года, генваря 4-го дня. В должности Председателя цензор Сергей Аксаков. Москва. В типографии С. Селивановского. 1828».

² «Декабрист Кривцов и его братья». М. Гершензон. М. 1914. 254 и 289 стр.

могиле видел сатиру на похороны; а в нечаянно надетом навыворот салопе подозревал бог знает что. Тщетно я говорил ему, что это почти все уже было напечатано в прозаическом переводе Туманского, набожный профессор отговаривался святостью тогдашнего времени и, наконец, откровенно признался, что он бы одобрил мою рукопись, да боится г-на Магницкого, попечителя Казанского университета, по представлению которого в то время отрешили девять профессоров. «Вероятно, вы не захотите, — сказал он в заключение, — чтоб я был десятый». Городчанинов точно держался на ниточке и усидел на кафедре только из сострадания к многочисленному семейству. Будучи бедным человеком, он трепетал перед Магницким. Ректор Казанского университета Солнцев подал свой голос в мою пользу. Прочие члены цензурного комитета разделились в мнениях: их пугала в Мурнаевых похождениях мифология, которая тогда запрещена была к преподаванию... Дело о напечатании «Кота в аде», за разногласием, должно было поступить на рассмотрение в высшее правление училищ; но поездка моя в Петербург прервала все хлопоты. Солнцев дал мне туда два рекомендательные письма, и цензор Тимковский, без всяких замечаний, подмахнул: печатать позволяется. 600 экземпляров стоили мне 235 рублей».

Ко времени пребывания А. К. Кузьмина в Минусинске относится знакомство его с декабристами Краснокутским, Кривцовым, Беляевыми и Фаленбергом. Любопытно сопоставить сообщение об этом Кузьмина с теми сведениями, которые сохранились об этом же эпизоде в «Воспоминаниях» одного из этих декабристов, Александра Петровича Беляева¹.

«Минусинский округ, — рассказывает Беляев, — был под управлением окружного начальника, который, по «Положению» Сперанского, был нечто вроде губернатора и председателем в Окружном Совете. Эту должность при нашем приезде занимал коллежский советник Александр Кузьмич Кузьмин, человек лет сорока, высокий, толстый, несколько рябой, но с приятным симпатичным выражением лица. Он воспитывался в лесном корпусе, был умен, хорошо образован, начитан и остроумен. Все подчиненные очень любили его за доброту, снисходительность и вежливое обращение; вместе с тем он не был слаб по службе, хотя характер имел самый мягкий, и строго преследовал злоупотребления и особенно кляузу. Он ненавидел кляузы и потому был противником даже грамотности в народе, о чем мы с ним иногда и спорили; но он был убежден, что при тогдашних нравах и невежестве народа грамотность, есть язва: выучился писать говорил он, и тотчас же давай писать кляузные прошения, а как за это платят, то и подбивать на кляузы мало-мальски чем-нибудь недовольного человека. Но из того, что спичками производят пожары и ими отравляются, нельзя же запрещать их производство.

«Александр Кузьмич очень любил свой город Минусинск и несколько гордился им. Оно и понятно: его заботливости город был обязан тем, что скоро стал очень приличным деревянным городом...

«С Александром Кузьмичем мы были в самых дружеских отношениях. Еще до моего приезда, он с братом составили товарищество на табачную плантацию, и у них в этот год хорошо вырос и дошел табак, который там сильно требуется инородцами...

«Приехав в Минусинск, я подъехал прямо к дому окружного начальника. В это время он передавал какие-то распоряжения секретарю Окружного Совета. Когда я хотел войти в зал, где он ходил, то, увидя появившуюся какую-то фигуру, запыленную и запачканную, он бесстрастно сказал: «Подожди, братец». Я отступил в прихожую. Надо сказать, что на мне был серый байковый казаккин, сшитый из байкового одеяла товарища нашего Евгения Петровича Оболенского, своими портными товарищами, между которыми был и он сам. Это было в Петровском остроге. Я приехал 8 июля, время самых сильных жаров, когда сухость сменяется иногда дождем и грязью; приехал на перекладной, то наружность моя должна была представляться особенно интересной, и надо удивляться, что он не бросил все дела и не обратился с любопытством ко мне. Затем, отпустив секретаря, он позвал меня. Когда я объяснил ему, что прислан

¹ «Воспоминания декабриста о пережитом и переживутом. 1805—1850». А. Беляева. СПб. 1882. 270 — 276 стр.

на поселение, и назвал свою фамилию, он очень обрадовался, сказал, что уже давно они с братом моим ожидали меня, так как получено было уведомление от генерал-губернатора о моем переводе. Он дружески расцеловался со мной, тотчас послал за братом и велел дать чаю... Пробыв некоторое время у окружного начальника, мы отправились на квартиру брата, с обещанием возвратиться вечером. У него по вечерам всегда собирались несколько человек ему близких, играли в бостон, который не мешал и разговорам, иногда очень занимательным...

«У Александра Кузьмича в России были родные; он имел там маленькое имение, а служба с тогдашним жалованьем для него, не позволявшего себе никаких других бесцельных доходов, не представляла достаточных средств, особенно, когда он стал семьянином, а потому он скоро вышел в отставку. Он приехал в Сибирь холостым и уже тут женился и так же оригинально, как оригинален был его характер, вся его жизнь и его взгляды на жизнь. Мы у него бывали каждый день и заметили, что, несмотря на свою флегму, он был способен к нежным чувствам, но никак не думали, чтобы он женился. Против него на другой стороне улицы жила молодая и прелестная вдовушка покойного ветеринарного врача, у которой он бывал, правда, довольно часто, но он посещал и многие другие семейные дома, и потому из этого нельзя было заключить о его намерении. Но вот однажды, когда мы жили во флигеле у казначея, в доме против церкви, видим Александра Кузьмича прогуливающимся тихим шагом, как он всегда гулял, под руку с Екатериной Петровной, так звали вдовушку, и, проходя мимо нас, завернувших в церковь. Через полчаса они вышли и тем же порядком, тихой прогулкой возвратились домой. А на другой день узнаем, что они обвенчались. Тотчас же все служащие и живущие в городе его знакомые отправились к нему с поздравлениями. Мы с братом также от души поздравили его; и как жена его была дружески расположена к нам, то мы еще более сблизились с ними. Старшая дочь была в возрасте учения, они просили нас давать ей уроки. Более занимался с нею брат, а когда он уезжал на пашню, то я заступал его место на время. После женитьбы он оставался не более года и уехал в Россию. Весь город провожал его с искренним сожалением, и, действительно, лучшего начальника и добрейшего, приятнейшего человека не легко найти. Но как вся жизнь наша проходит в свиданиях и расставаниях, до самого конца жизни, то и мы с ним расстались. Можно ли было думать, прощаясь с ним навсегда, что мы встретимся с ним в России, уже совершенно в других обстоятельствах. Товарищ наш Сергей Иванович Кривцов, поселенный до нас в Минусинске, по возвращении с Кавказа, сделался опекуном детей его брата Павла Ивановича Кривцова и предложил Кузьмину управление их имением в Балашовском уезде. Мы с ним увиделись в этом имении по возвращении с Кавказа, гостивши у сестры, которой имение было в соседстве, а после его смерти я занял его место, по предложению опекуна, с которого и начал свое русское хозяйственное поприще, потом продолжавшееся 18 лет».

В своих «Записках» А. К. Кузьмин сообщает некоторые сведения о пяти декабристах: Краснокутском, Кривцове, братьях Беляевых и Фаленберге.

Краснокутский, Семен Григорьевич (умер и похоронен в Тобольске в 1841 году), был в числе немногих невоенных участников события 14 декабря 1825 года. Он был уже зрелых лет и занимал высокое положение в гражданской службе. Он был обер-прокурором в Сенате и имел чин действительного статского советника. Он был принят в Южное общество и осужден к ссылке в Сибирь на поселение на 20 лет. Присужденный к ссылке в Сибирь Краснокутский проживал там в разных городах: Якутске, Минусинске, с 1831 г. в Красноярске, а с 1837 г. в Тобольске. При проезде А. П. Беляева на поселение в Минусинск Краснокутский проживал еще в Красноярске. «Здесь,—пишет Беляев в своих «Воспоминаниях»,—уже был один из наших товарищей Семен Григорьевич Краснокутский, бывший обер-прокурор Сената, разбитый параличом и не владевший ногами; он был сослан просто на поселение... В Крас-

ноярске мы посетили С. Г. Краснокутского, у которого и пробыли весь этот день. Затем, простившись с Краснокутским, я уже один отправился к брату»¹.

В 1832 году, немного раньше Беляева, Краснокутского навещал другой декабрист, барон Андрей Розен. В Красноярске, рассказывает он, «увиделся и познакомился я с двумя соизгнанниками, которых застал в крайне жалком состоянии: Семена Григорьевича Краснокутского и Ник. Серг. Бобрищева-Пушкина I. Первый страдал параличом ног и не двигался с кресла, а второй сошел с ума и был помещен в больницу в Красноярске»². Более подробно об этом посещении изложено в первом издании «Записок» барона Розена. Вот страница из этого издания:

«Семен Григорьевич Краснокутский, бывший обер-прокурор Сената и родственник Кочубея, был сослан прямо на поселение из Петропавловской крепости в Якутск, оттуда по просьбе родных переведен в лучший южный округ, в Минусинск. Там жил с ним вместе наш С. И. Кривцов и знал его здоровым и бодрым: но через несколько лет почувствовал он большое расслабление в ногах, в коленях и в бедрах, так что не мог ходить иначе, как опираясь на руку и на плечи проводников; иначе ноги его плелись, как веревки, наконец, ноги отнялись совершенно. Тогда перевезли его в Красноярск, где тщетно лекаря городские, и деревенские, и бухарские, и армянские употребляли различные средства, покупаемые ценою золота, но все напрасно. Родные посылали ему денег, они были бесполезны; родные просили для него позволения пользоваться сибирскими минеральными водами,—в этом было им отказано. Я видел его, когда он уже два года не вставал с постели: глаза его, блестящие и живые, цвет лица его, пергаментный, показывали живость ума и разрушение тела. В церковь возили его изредка в особенно для него устроенной тачке, в которой он лежал во время литургии, так катали его обратно на квартиру, и по улице за город, для укрепления его свежим воздухом и движением тачки. Я должен был ему рассказывать подробно о друзьях его, оставшихся в Петровской тюрьме; он слушал с жадностью, но мне трудно и мучительно было глядеть на него. Я простился с ним с тяжелым сердцем; еще страдал он два года, не покидая своей постели; был перевезен в Тобольск, где смертью избавился от мучений в 1841 г.³ В Красноярске же видел Краснокутского и Басаргина, Н. В., при возвращении из Петровского»⁴.

Сергей Иванович Кривцов родился в 1802 году. Он был сын зажиточного орловского помещика. Его родина—родовое имение Тимофеевское в Болховском уезде, где он и провел свое детство. Его отец умер в 1813 году, оставив на руках своей жены, Веры Ивановны, рожденной Карповой, 8 человек детей. Сергей Иванович воспитывался в это время в Москве, в университетском благородном пансионе. Дальнейшую заботу о малолетнем Сергее взял на себя старший брат Николай и, будучи недоволен пансионским воспитанием его, задумал пристроить Сергея на казенный счет в педагогический институт Фелленберга в Гофвиле близ Берна в Швейцарии. 26 мая 1817 года последовал указ о назначении Сергею Кривцову 700 рублей на путевые издержки и об отпуске ежегодно по 500 рублей на время образования его в институте Фелленберга. В первых числах декабря 1817 года Сергей Кривцов уже был в Гофвиле. Институт Фелленберга произвел благоприятное впечатление на Кривцова и приучил его к постоянному и усиленному труду, развив в нем любовь к обществу и свободе. Здесь, в земледельческом институте, он пробыл ровно 2 года. В январе 1820 года он отправился в Париж, так как брат Николай хотел поместить его в «Ecole Polytechnique» для завершения образования, но русское правительство не согласилось на это, предложив поместить Сергея

¹ «Воспоминания декабриста», 264—267 стр.

² «В ссылку» («Записки декабриста»), сочинение барона Андрея Розена, второе издание, М. 1900. 156 стр.

³ «Записки декабриста». Лейпциг. 1870. 283 стр.

⁴ «Записки Н. В. Басаргина». Издательство «Огни», Петроград. 1917. 206 стр.

в соответствующее учебное заведение либо в Англии, либо в России. По ходатайству брата Николая, Сергей 2 марта 1820 года был принят в Пажеский корпус. Однако, Сергей, повидимому, не вступил в Пажеский корпус и с марта 1821 года был зачислен юнкером в лейб-гвардии конную артиллерию. Служба здесь была ему не по сердцу, но он все-таки мирился с нею, ожидая производства своего в офицеры. Но это производство задержалось, так как до производства начальство решило послать юнкеров в батареи для изучения службы. Сергей Кривцов поехал в свою батарею, стоявшую в Белом, Смоленской губернии. Между прочим, он поражен был бедным бытом крестьян. Он писал матери: «Здесь мужики целую зиму не видали чистого хлеба, а едят какое-то тесто из овса с мякиною, во многих местах и того уже нет, и несчастные мрут с голоду». В ноябре 1822 года состоялось производство в прапорщики, и Сергей был произведен во вторую легкую батарею, стоявшую за 30 верст от Петербурга, в Пелле. Незадолго перед этим он принят был в Тайное общество. В мае 1824 года он получил чин подпоручика и переселился в Петербург. Почти одновременно в Петербург приехал Пестель для переговоров с главарями Северного общества, и на квартире Свистунова им принят был в члены Южного общества в числе других Сергей Кривцов.

О политических взглядах Кривцова ничего неизвестно. Приговор ставил ему в вину только принадлежность к Тайному обществу и знание об умысле на цареубийство. По всей вероятности, этим действительно ограничивалось его участие в деле 14 декабря. Его и не было в это время в Петербурге. 25 октября 1825 года он уехал в трехмесячный отпуск, сначала к матери в Тимофеевское, потом в Воронеж. Там он узнал о событиях 14 декабря, там присягнул на верность Николаю и там же, вероятно, был арестован. Взят он был очень поздно, очевидно, потому, что прямых улик не было, а имя его было упомянуто в показаниях ранее арестованных. 21 января 1826 года он был посажен в крепость. Вот что писал Сергей Кривцов в собственноручном письменном показании в Следственную комиссию: «В 1823 или, может быть в конце 1822 года, я был принят в Тайное общество Вадковским. Я был тогда столь молод, что на сие решился, не полагая в оном важности. Вскоре почувствовал свою вину и в оной душевно раскаялся. Я не имел духа об оном открыть, но всячески старался от Общества удалиться. Вот почему желал без очереди быть в Пелле, и во все время с Обществом в сношении был столь мало, что даже думал оное прекращенным. По приеме моем я знал членами Свистунова и Депрерадовича, а более, наверно, не упомяну. В артиллерии не знал совершенно никого. Намерение, которое мне было открыто, не заключало в себе ничего противозаконного, и планов к будущему никаких мне не было известно». В дальнейших своих показаниях он старался отвести от себя оговор Свистунова о том, что Кривцову известно было намерение воспользоваться большим балом во дворце для истребления царской фамилии. «Правда,— писал он,— что весною 1824 года, приезжая из Пеллы, я оставался у Вадковского, куда всякое утро собиралось весьма много молодых людей, большею частью офицеров и юнкеров кавалергардского полка. Может в шуме разговора Вадковский и сказал что подобное показанию поручика Свистунова о намерении покуситься на жизнь императорской фамилии во время бала в белой зале, но по нелепости и несодеянности такого предприятия может я не обратил должного на сие внимания, так как и другое, что могли говорить господа Вадковский и Свистунов, я пропускал сквозь уши. Мне даже смешно казалось, что три или четыре прапорщика без имени, весу и дарований мыслят поколебать столетием основанную империю. Я надеялся (не имея никакого известия об Обществе и об отсутствующих членах), что они также одумались, как и я, и что все планы наши ко благу человечества кончились так, как начались, т.-е. словами».

Сидя в крепости, Сергей Иванович много раз писал письма своей матери, и все его письма исправно доходили по назначению. Здесь же он открыл в себе талант стихотворства и от скуки предался этому занятию, несколько не заблуждаясь, впрочем, в невысоких качествах своих стихов. Однажды в шутку он пояснил:

Мне все равно — лишь бы писать:
Не мне стихи мои читать.

Приговором Верховного суда Сергей Кривцов был причислен к VII разряду, осужден в каторжную работу на 4 года, а потом на поселение; по конфирмации приговора (11 июля 1826 года) срок каторжных работ был сокращен до двух лет, а по коронационному помилованию (22 августа) — до одного года. В полночь с 10 на 11 февраля 1827 года он отправлен был в Сибирь. Около 1 мая он прибыл в Читинский острог. Год тюремной жизни для Кривцова прошел благополучно. Он обучал товарищей немецкому языку и забавлял их пением. «В первоначальном маленьком кругу нашем, — пишет А. Е. Розен, — развлекали нас шахматы и песни С. И. Кривцова, питомца Песталоцци и Фелленберга; бывало запоет: „Я вокруг бочки хожу“, то Ентальцев в восторге восклицает: „Кто поверит, что он в кандалах и в остроге“. А Кюхельбекер дразнил его, что Песталоцци хорошо научил его петь русские песни»¹.

В первых числах мая 1828 года С. И. Кривцов вышел на поселение и 20 июня прибыл с Аврамовым и Лисовским в Туруханск, «почти на границу обитаемого мира, где льды и холод, подобно Геркулесовым колоннам, положили пределы человеку и говорят: „*non plus ultra*“, как писал он сестре своей Анне Ивановне в Тимофеевское». Между прочим, эта сестра выразила желание последовать к нему на поселение и писала ему 20 июля 1828 года: «Скажи мне, будет ли для тебя некоторым утешением, если я приеду разделить твою участь? Я же буду счастлива там, где ты живешь. Сережа, я много думала об этом, потому не говори мне, что я не знаю, чему подвергаю себя: я готова на все. Но я боюсь стать тебе в тягость, потому что совершенно не знаю, в каких условиях вы живете». Сергей Иванович отказался от этого счастья для себя: «буду ежеминутно упрекать себя за твои страдания», — ответил он ей, и сестра не поехала к брату.

Мать Кривцова в то же время предприняла свои шаги к облегчению участи сына: в январе 1829 года она отправила прошение на имя императрицы о перемещении Сергея в какое-нибудь более обитаемое место в Сибири. В феврале пришло уже известие, что Сергей переведен в Минусинск.

В июне Кривцов отправился в Минусинск и прибыл туда 15 июля. Здесь он поселился вместе с Краснокутским. Жили они очень комфортабельно, занимали просторный, красивый дом, имели 5 человек прислуги. Сергей Иванович прожил в Минусинске 2 года с небольшим. В сентябре 1831 года он расстался с Краснокутским, которому разрешено было ехать лечиться на водах в Иркутской губернии, а вскоре получено было распоряжение об определении Сергея Кривцова в 44 Егерский полк, стоявший на Кавказе. По зимнему пути Кривцов быстро прибыл к новому месту и в половине 1834 года был переведен в 20 артиллерийскую бригаду, так как этот род службы был ему более знаком. 15 ноября 1837 года он был произведен в офицеры, и, наконец, в апреле 1839 года Сергей Иванович получил отставку за болезнью, как значилось в документе, и с обязательством проживать в Болховском уезде и состоять под надзором полиции; въезд в столицы ему был запрещен. Ему в это время было 37 лет; его мать была еще сравнительно бодра.

Сергей Иванович, по возвращении в 1839 году, принял от брата Павла Тимофеевское и здесь поселился с матерью. После смерти Павла Ивановича, он стал опекуном его детей и взял на себя управление их имением, которое вскоре передал в управление минусинскому приятелю, А. К. Кузьмину, а после его смерти — А. П. Беляеву.

В 1849 году 10 декабря скончалась в Тимофеевском мать Сергея Ивановича, Вера Ивановна. В 1856 году ему возвращены были все права и право въезда в столицы. Год спустя Сергей Иванович женился на дочери орловского губернатора Сафоновича, Анне Валериановне. Ему было 55 лет, ей 20. Он пользовался большим почетом в уезде. В 1856 году В. А. Муханов писал о нем в своем дневнике: «Он приобрел уважение дворянства и такую внушил всем доверенность благородством своего характера, опытностью в делах и готовностью на пользу ближнего, что все обращаются к нему для разбора спорных дел и для примирения лиц, между коими возникают раздоры и распри»².

¹ «Записки декабриста». Лейпциг. 1870. 220 — 221 стр.

² «Русский Архив» 1896, октябрь, 168 стр.

В 1861 году собрание предводителей дворянства Орловской губернии, «оценивая его просвещенный взгляд на реформу, освободившую крестьян от крепостной зависимости, его неуклонную справедливость и беспристрастие, а также отличную опытность в хозяйстве», выбрало его в члены губернского по крестьянским делам присутствия.

Сергей Иванович Кривцов умер в Тимофеевском 5 мая 1864 года.

Сергей Иванович всюду был любим, и в Сибири, и на Кавказе, и в деревне. Он легко сходилась с людьми, был добр и верен в дружбе. Он любил приезды гостей и всегда был любезен с ними. Любил порядок и аккуратность и свое деревенское хозяйство вел исправно и просто, без всяких затей. Каждое утро он методически обходил надворные службы, шагал напрямиком, не спеша и не разбирая луж, заложив руки за спину. Любовь к книгам и к чтению он сохранил до конца ¹.

Беляевы, братья Александр Петрович (род. в 1803 году, умер в 1877 году) и Петр Петрович (род. в 1804 году, умер в 1865 году), не принадлежали к Тайному обществу и членами его не состояли. Оба служили в Гвардейском экипаже и в чине мичмана проходили морскую службу. Они осуждены были за то, что «знали об умысле на цареубийство и лично действовали в мятеже с возбуждением нижних чинов». Они отнесены были к IV разряду осужденных и приговорены к 15-летней каторге и вечному поселению в Сибири.

Александр Петрович был только на один год старше своего брата Петра Петровича, и возраст их, почти одинаковый, соединил их судьбу. Отец их Петр Гаврилович Беляев был женат на шведской дворянке Шарлотте Ивановне Верениус, с которой познакомился в Финляндии, находясь там с полком. Он служил в Рязанском пехотном полку, делал с ним турецкие и шведские кампании и был георгиевским кавалером. Для своего времени он был человеком образованным, знал немецкую литературу и философию, имел хорошую библиотеку. Он был масоном и одно время секретарем в ложе Лабзина, был другом Лабзина и Поздеева. По выходе его в отставку, граф Алексей Кириллович Разумовский, хорошо его знавший, предложил ему управление своими обширными имениями в Пензенской и Тамбовской губерниях. Из Петербурга Петр Гаврилович со всем семейством (4 дочери и сын Александр) переехал на жительство в Пензенскую губернию, в село Ершово, Чембарского уезда. Здесь родился у него еще сын, Петр, и здесь прошли юные годы братьев Беляевых. После домашнего воспитания братья определены были в морской кадетский корпус. В 1817 году Александр Петрович выпущен был в Гвардейский экипаж, в котором и находился на службе по 1825 год. За эти годы морской службы он совершил несколько плаваний и побыл в Исландии, Испании, Франции и у Гибралтара. В Гибралтаре он познакомился с испанскими революционерами. «После нашего плаванья в Испанию, — говорит он в своих „Воспоминаниях“, — где мы видели подвижников испанской свободы, где сошлись с свободолюбивыми англичанами, мы, конечно, сделались еще большими энтузиастами свободы». Либеральный дух времени сильно повлиял на обоих братьев Беляевых. «Свободный образ мыслей и дух преобразований при помощи проникавших запрещенных сочинений из-за границы перенесся и в Россию, — пишет А. П. Беляев. — Мы мечтали, строили воздушные замки, а как эти замки будут держаться на воздухе — мы вовсе не думали об этом. Мы с братом принадлежали к умеренным и хотя были готовы на всякое действие, где надо было жертвовать собой, но приносить в жертву кого бы то ни было нам было противно» ².

14 декабря 1825 года, вспоминает А. П. Беляев, «перед тем как выходить батальону, я бросился на колени перед образом Спасителя, вспомнил свою нежно любимую мать, сестер, которым единственной опорой были мы, представил себе последствия этой решимости — и тяжел был мне этот подвиг; тяжела

¹ «Декабрист Кривцов и его братья». М. Гершензон. М. 1914.

² «Воспоминания», 154, 162, 164 стр.

была борьба чувств, но долг, как я разумел его тогда, принести в жертву отечеству самое счастье матери и семейства — самые священные свои привязанности — наконец, победил». Выступление экипажа закончилось весьма печально: «Экипаж наш возвратился в казармы, — рассказывает Беляев, — где люди были приведены к присяге уже силою, а для офицеров присяжный лист был разложен в одной из казарм, для желающих подписаться, и помнится, что я также был из числа тех малодушных, которые не выдержали характера и подписали этот присяжный лист, в чем и сознаюсь к стыду своего геройства»¹.

После Петропавловской крепости и Читинского острога А. Беляев был переведен в Петровский завод. Беляев на всю жизнь сохранил светлое воспоминание о времени своего заключения в Петровской тюрьме. «Заключение было весьма человеколюбивое и великодушное, — говорит он в своих „Воспоминаниях“, — мы лишены были свободы, но, кроме свободы, мы не были ни в чем стеснены и имели все, что только образованный, развитый человек мог желать для себя. К тому еще если прибавить, что в этом замке или остроге были собраны люди действительно высокой нравственности, добродетели и самоотвержения, и что тут было так много пищи для ума и сердца, то можно сказать, что заключение это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра. Сколько прекрасных, чистых сердец билось там самою нежною и симпатическою дружбою, сколько любви и высоких чувств хранилось в этих стенах острога, — чувств, так редко встречающихся в обществе счастливых»². Все время в тюрьме заключенные посвящали полезным занятиям: «в трудах физических и умственных, приятных живых беседах, пении, музыке протекала наша затворническая жизнь»³.

Для Беляева тюрьма была действительно школой. Оба брата с усердием принялись за изучение английского языка под руководством Оболенского, Чернышева и др. Вскоре они стали даже переводить «Историю падения римской империи» Гиббона, Купера «Красного морского разбойника» и «Водяную колдунью».

После недолгого поселения в Илгинском, в 1833 году, Беляевы были переведены в Минусинск и здесь занялись сельским хозяйством. Дело пошло у них с громадным успехом и постепенно разрасталось. Они купили дом в 6 комнат с террасой. Когда в Минусинском округе начала развиваться золотопромышленность, Беляевы доставляли на прииски муку, крупу, масло. Золотопромышленник Кузнецов предлагал им на приисках место с жалованием в 4.000 рублей, но правительством отказано в разрешении принять это место. Беляевы еще энергичнее занялись своим хозяйством. Они арендовали несколько сот десятин земли по 5 коп. за десятину, развели до 200 штук рогатого скота, занялись выработкой масла. Вдруг в 1840 году последовало распоряжение перевести их рядовыми на Кавказ. Пришлось спешно прикончить все дело. Рядом с занятиями хозяйством, Беляевы открыли в Минусинске школу, в которой сами обучали детей чтению, письму, арифметике, географии, истории. И школу пришлось оставить на произвол судьбы.

На Кавказе Беляевы были назначены в 7-ю роту 3-го батальона Кабардинского полка. В 1845 году Беляевы за храбрость были произведены в офицеры, и вскоре, выйдя в отставку, возвратились на родину. Здесь Александр Петрович управлял имениями Жадовского, Кривцова и Э. Д. Нарышкина. И эти труды, равно как и занятие на пароходстве по Волге, он делил вместе с своим неразлучным братом Петром Петровичем. В награду за устройство имения и распределение земли в 1861 году братья получили от Нарышкина по 30.000 рублей каждый. Петр Петрович потом состоял агентом пароходного общества «Кавказ и Меркурий» в Саратове и скончался, предположительно, в 1865 году. Александр Петрович до глубокой старости сохранил все свои высокие душевные качества и замечательное трудолюбие. В последние годы он написал свои замечательные «Воспоминания» и целый ряд других литературных трудов. И только под конец жизни он принужден был оставить всякие занятия вследствие потери зрения. Он скончался в Москве в 1887 году, 28 декабря.

¹ «Воспоминания», 174 — 175 стр.

² Там же, 242 стр.

³ Там же, 230 стр.

Петр Иванович Фаленберг, подполковник генерального штаба, старший адъютант штаба 2-ой армии, родился в Риге 20 мая 1791 года. Отец его, саксонский уроженец, вызван был Потемкиным для устройства в России суконной фабрики. Образование Петр Иванович окончил в Царскосельском лесном институте в 1811 году. В 1822 году в Тульчине он вступил членом в Южное общество, не принимая однако близкого участия в его делах, а потом, со времени женитьбы на Раевской, и совершенно отдалился от него. Однако, после 14 декабря он был арестован и отвезен в Петропавловскую крепость. Это совпало с тяжкой, почти смертельной болезнью жены, горячо любимой Фаленбергом, и так действовало на него угнетающим образом, что он, следуя советам своего родственника Раевского и желая спасти себя полной откровенностью, изменил свое первоначальное показание и возвел на себя то, в чем совсем не участвовал и о чем узнал только из печатного правительственного сообщения. Возведение на себя небывалых проступков ухудшило положение Фаленберга, но оговоры товарищей не изменили их отношений к нему. Фаленберг обвинен был в том, что «соглашался произвести цареубийство и хотя впоследствии и начал от общества уклоняться, но сокровенную цель его знал», был причислен к IV разряду и приговорен к 15-летним каторжным работам, а потом к ссылке на поселение. В Чите и в Петровском заводе он занимался топографическими съемками, для чего сам изготовил себе инструменты, производя все эти работы с Николаем Бестужевым¹. В Читинском остроге, по воспоминаниям Розена, «щегольские фуражки и башмаки шили Бестужевы и Фаленберг; они трудами своими сберегали деньги, коими можно было помогать и другим нуждающимся вне нашего острога»².

В 1832 году всем осужденным убавили по несколько лет работы и вследствие этого для некоторых, в том числе и для Фаленберга, окончился срок³. С 1833 года он был поселен в глухом селении Минусинского округа, Шушь, и там в начале испытывал тяжкие лишения и душевное терзание. В это время жена его, не последовавшая за ним, вышла за другого. В конце 30-х годов она скончалась, и лишь тогда Фаленберг решился вступить во второй брак. В 1840 году он женился на Анне Федоровне Соколовой, дочери казачьего урядника из села Саянского. Любопытные подробности об этой свадьбе рассказывает А. П. Беляев в своих «Воспоминаниях»⁴.

«Перед самым переводом нашим на Кавказ, — пишет он, — женился наш товарищ Петр Иванович Фаленберг. Невеста его была из Саянска, дочь одного казачьего урядника. Жена его в России, которую мать отговорила ехать в Сибирь различными ухищрениями, умерла, и он был свободен, хотя и до смерти ее они, по закону, были разведены. Все наши товарищи были на его свадьбе. Девишник происходил в доме отца невесты, по всем обычаям русской старины. После венчания был обед, а вечером песни и пляска. Мы присоединились к общему хору и свадебным играм. Между песнями были и очень интересные, с прекрасными мотивами; я помню одну, которая пелась всеми девицами, составлявшими круг: „Вы, бояре молодые“ и проч.; при этом пении одна из девиц круга ходила с платком, приплясывая плавно, а платок бросала кому-нибудь из сидящих молодых казаков, который выходил к ней и вместе проходили, приплясывая в круге тихо и плавно, в такт песни, а затем песня переходила в речитатив со словами: „Уж и я твой кум, уж и ты моя кума, где мы сойдемся—там обоймемся, где мы свидимся—поцелуемся“; а затем протяжно снова повторялось: „Вы бояре ль молодые“ и проч. В это время молодая разносила угощение. При этом много оживления придавала игра на скрипке Н. А. Крюкова, очень хорошего музыканта, и наше участие в хоре. Свадьба для Петра Ивановича была очень счастлива. Жена его была преданная и нежная подруга и вполне усладила его изгнанническую жизнь. Она скоро усвоила себе все образованные приемы и могла стать в уровень с своим мужем, принимая,

¹ «Воспоминания братьев Бестужевых», 211 — 212 стр.

² «Записки декабриста». Лейпциг. 1870. 228 стр.

³ «Записки Н. В. Басаргина», Петроград. 1917, 170 стр.

⁴ «Воспоминания», 333 — 335 стр.

конечно, во внимание, что для женщины и не нужны те обширные и специальные сведения, какие, по прежней его службе генерального штаба и по его образованию, имел муж. Он имел от нее сына и дочь, которая была замужем, кажется, в Харькове, и своею смертью так поразила 80-летнего отца, что он тотчас же после известия умер. Сын его, вместе с сыном Фролова, тоже нашего товарища, кончил курс в высшем военном училище, выпущенный в конную артиллерию. Он вызвал к себе своих родителей и нарочно для этой цели из конной артиллерии перешел в корпусные офицеры одной из московских военных гимназий, но по смерти отца к нему приехала одна мать».

Скромная семейная жизнь на поселении привлекла к Фаленбергу симпатии местных жителей. О нем в официальном донесении от 23 мая 1852 года говорится: «Простота, скромность, чистосердечие, душевная бодрость составляют отличительные черты его характера. Средства его весьма ограничены; единственное его достояние составляет доход с табачной плантации, с которой он получает около 40 пудов табаку». Когда в 1851 году разливом Енисея плантация Фаленберга была затоплена и уничтожена, то жители Минусинска собрали ему в пособие довольно значительную сумму. «Это доказывает, какой любовью и уважением он пользуется во всем округе», заключает официальное донесение. После амнистии 1856 года Фаленберг по собственному желанию и семейным обстоятельствам остался в Сибири¹. Вскоре, однако, он переменял свое решение и в 1858 году поселился в Подольской губернии. Здесь он управлял имениями Куликовского. Кончина единственной любимой дочери, бывшей замужем в Малороссии, так поразила 82-летнего старца Фаленберга, что он тотчас после этого скончался 13 февраля 1873 года в Белгороде, Курской губернии, и похоронен в Харькове.

«Записки Александра Кузьмина, в 2-х частях. Сельцо Симоново. Писано в 1839 году».

Под таким заглавным листом в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в Отделе рукописей, хранится автограф А. К. Кузьмина под № 3005. Это толстая тетрадь, в лист, когда-то была плотно переплетена в кожаный корешок, с золотым тиснением на нем: «Записки Александра Кузьмина». В первой части, по нумерации автора, 179 страниц, во второй—237. На верхней крышке переплета, внутри, наклеен рисунок тушью Николая Кузьмина, 1813 года, с изображением Валдбурга, как называли Козельский лесной институт. Перед второй частью наклеен рисунок Казанского памятника, исполненный самим Кузьминым. По местам и текст украшен его рисунками. Переписана рукопись самим А. К. Кузьминым четко, крупно, красиво.

В настоящее время вся тетрадь вырвана из переплета и разбирается по листам. Сделано это было в редакции «Атеней», перед сдачей в типографию. Редакторский карандаш Е. Ф. Корша всюду на листах оставил свои жестокие следы.

Источники и пособия.

1. «Записки Александра Кузьмина», рукопись Публичной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, № 3005.

2. «Атеней», части I и II, январь, февраль, март и апрель 1858 года. Из подлинных записок А. К. Кузьмина. № 7, 438—452 стр.; № 8, 527—542 стр.; № 9, 69—77 стр.; № 10, 134—145 стр.; № 11, 193—209 стр.; № 12, 257—272 стр.; № 13, 329—336 стр.; № 14, 397—412 стр.

3. «Описание редких российских книг», составил А. Бурцев, часть II, СПб. 1897. 451—481 стр. «Кот в шаде». Забавная поэма. Творение на немецком языке г. Захарии, с прозаического перевода г. Туманского, напечатанного в С.-Петербур-

¹ «Записки декабриста», 538 стр.

бурге 1791 года, вольное предложение стихами Александра Кузьмина. СПб, 1821, в 8 д. л. 39 стр.

4. Русский Биографический Словарь. Бетанкур-Бякстер, СПб. 1908. 679 стр.

5. «Декабристы», 86 портретов. Пояснительный биографический текст П. М. Головачева. М. 1906. 63—71, 114—115 и 249—252 стр.

6. «Записки декабриста». Лейпциг. 1870.

7. «В ссылке» (Записки декабриста). Сочинения барона Андрея Розена. Издание наследников. Второе издание с значительными добавлениями. М. 1900.

8. «Воспоминания братьев Бестужевых». Библиотека мемуаров «Огни». Редакция П. Е. Щеголева. Петроград. 1917.

9. «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805—1850». А. Беляева. СПб. 1882.

10. «Записки Н. В. Басаргина». Библиотека мемуаров «Огни». Редакция и вступительная статья П. Е. Щеголева. Петроград. 1917.

11. «Декабрист Кривцов и его братья». М. Гершензон. М. 1914.

12. «Енисейский альманах» на 1828 год, Ивана Петрова. М. 1828.

13. Литературный сборник, издание редакции «Восточного Обозрения», СПб. 1885: Наталья Дмитриевна Фонвизина, 207—248 стр.

М. Н. Волконская (с акварели Н. Бестужева).

КОНСТИТУЦИЯ Н. МУРАВЬЕВА.

Конституционные построения не играли большой роли в деятельности русских тайных обществ 1820-х годов. Последующие поколения, изучавшие это движение исторически, подходили к политическому творчеству будущих «декабристов» с большим интересом, чем сотни рядовых членов-участников тогдашних тайных организаций. Но, несмотря на то, что эти программные построения и не были сильными волевыми фокусами для людей, впервые открыто бросивших вызов русскому самодержавию, построения эти весьма важны для понимания характера всего движения.

На первом плане среди политических проектов, составленных декабристами, стоят два политических эскиза, из которых один, «Русская Правда», принадлежит П. И. Пестелю, а другой — не имеющий особого заглавия и обычно называемый просто «Конституция Никиты Муравьева» — этому последнему деятелю петербургского крыла тайных организаций. Крутым централизационным и республиканским, в якобинском вкусе, планам Пестеля «Конституция Муравьева» противопоставляет монархическо-федеративную схему.

В литературе, посвященной «Конституции Муравьева», обстоятельно вскрыты его западно-европейские и американские образцы и ингредиенты¹. Не может быть никакого сомнения, что внешне проект Муравьева складывался под сильным воздействием конституции Соединенных Штатов Северной Америки (1787 г.) и французских политических построений эпохи Великой французской революции. Но, будучи, по своим внешним формам и по своим общим декларативным началам, детищем последних десятилетий, предшествовавших ее составлению, «Конституция Муравьева» была, в смысле своего общего социального настроения, лишь звеном в длинной цепи коренных русских, если не выступлений, то, по крайней мере, вождедений, отличавших политические вкусы некоторых кругов русского общества.

Политическое сооружение, проектированное в планах Муравьева, есть не только компиляция из западно-европейских и северо-американских образцов, она носит на себе ясную печать туземного про-

¹ См. обстоятельную сводную работу В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов». СПб. 1909. См. стр. 448—485, 568—572, 588 и сл.

исхождения, и некоторые из ее корней уходят далеко в глубину нашего социально-политического прошлого. Идея сокращения и некоторого политического взнуздания нашего самодержавия родилась одновременно с ним самим. Начиная с первых конфликтов родовитого боярства с интимным правящим кругом Василия III, эта идея, хотя всегда в более или менее глухой форме, как тень, сопровождает русских самодержцев. Начав с неопределенных, но оппозиционно-задорных разговоров княженецкой знати, не ладившей с Василием III, это настроение прорвалось затем в страстных обличениях самодержавия московских «кровопийц» в эпистолиях Курбского. Каковы же были организующие идеи этой оппозиции? Выделить их не так легко, потому что они никогда отчетливо не выкристаллизовывались и в сознании своих носителей.

Разбираясь в мотивах ее, мы встречаем здесь и мысль об ограничении самодержавия боярской думой или земским собором или тем и другим учреждениями вместе, и мысль о личном и имущественном обеспечении высшего социального боярско-дворянского круга особыми юридическими нормами, и мысль об ограждении того же правящего круга от наплыва худородных конкурентов особыми запретительными нормами, и мысль возродить на территории Московского государства особые политические единицы феодально-административного типа. Но ни разу за XVI и XVII в.в. мысли эти не получили страстного боевого и отчетливого выражения: сначала и до конца они оставались вялыми и тусклыми выражениями политических настроений, а не деловых и отчетливо обдуманных планов. Мы могли бы ожидать, что наиболее популярной в московской боярской среде окажется мысль о феодальном расщеплении Московского государства. В эту сторону московское боярство должно было бы тяготеть и по традиции, идущей от еще очень свежего прошлого, и по своему кровному родству с феодально-аристократическим классом соседнего полурусского, полулитовского государства.

Эта тенденция не была бы в резкой дисгармонии и с тогдашней экономической структурой страны, еще не успевшей сродиться в единый прочный и внутренне крепко связанный хозяйственный организм. Но энергичное испомещение московскими государями мелких помещиков по политически опасным местам территории, молот опричнины и бури смутного времени навсегда покончили с феодально-аристократической идеей, как с политическим заданием практического характера. Наплыв в Москву среднего и низшего дворянства после ликвидации смуты и дальнейший напор его в течение всего XVII в. завершили дело, и, как воспоминание о боярских претензиях предшествовавших поколений, остались только почетные титулы наместников, которыми любила украшать себя знать XVII в. Но самая тенденция не умерла: стоило власти попасть в слабые руки Федора Алексеевича, как тотчас же был готов план нового феодального раздела Московского государства на великодержавные наместничества, занимавший, впрочем, тоже безрезультатно, эпигонов московского боярства в 1682 г. Не убила аристократическую идею и тридцати-

летняя суматоха Петровского царствования. Через 4—5 лет после его смерти с ней выступают верховники, — но только для того, чтобы быть тотчас же растоптанными напавшим на них сзади рядовым дворянством, наряженным в мундиры гвардейских и армейских офицеров. Однако, и катастрофа верховников еще не будет моментом смерти идеи аристократизации русского политического порядка: она оживет через два-три десятилетия в планах Панина, с которыми тот носился в начале царствования Екатерины II. Более того, та же живучая идея встретится нам в политических проектах первых лет царствования Александра I, поданных ему Державиным, Воронцовым, Завадовским, Зубовым и др., — на этот раз только для того, чтобы пополнить архивную историю русской политической идеологии. Если в XVI и XVII в.в. и в первую половину XVIII в. этой идее не давал развиваться уездный дворянин, ревниво наблюдавший за политическими претензиями своих более удачливых политических собратий, то теперь безнадежной утопией была уже всякая политическая идея, исходящая из дворянской среды, ибо быстро поспевал другой страшный политический соперник, готовый к социальному мятежу и восстанию, — крепостной, успевший достаточно внушительно показать свое настроение в эпопею Пугачевщины. Но, исчезнув из практического оборота, эта идея, все-таки, не умерла как настроение и вожелание. Одним из ее возрождений и была «Конституция» Н. Муравьева. Напомним, что политический план Муравьева предполагал деление России на «державы» или федеративные единицы, связывавшиеся в одну общую и целостную организацию властью монарха и федеральными учреждениями в центре. Достаточно короткой справки с некоторыми главами «Конституции» для того, чтобы понять ее истинный социально-политический смысл.

Так, для того, чтобы быть членом выборной державной палаты (т.-е. политически представлять «державу»), надо было иметь недвижимость в 2.000 руб. сер. или движимость в 4.000 руб. сер. Для того, чтобы быть членом высшего федерального учреждения — верховной думы, чтобы быть правителем державы, наместником правителя державы, советником или тысяцким в ней, надо было иметь чудовищный ценз в 30.000 руб. сер. недвижимости или 60.000 руб. сер. движимости, или, согласно тексту печатаемой нами редакции «Конституции», — в 1.500 и в 3.000 фунтов серебра. При таком составе круга лиц, имеющих право пассивного избрания, политическое представительство страны досталось бы ничтожному численно кругу граждан, едва ли насчитывавшему в своей совокупности и 0,1% всего населения государства и принадлежащего исключительно к среде крупного дворянства. Так должны были быть компенсированы за отнятия дарового крестьянского труда верхи русской знати, — план Муравьева на 40 лет предупреждал аналогичные аристократические построения эпохи, следовавшей за фактической отменой крепостного права. Эта сторона проекта Муравьева роднит его план с веками тлевшей идеей аристократизации русского государственного порядка, теплившейся в боярско-дворянской среде не одно столетие, ни разу

не восторжествовавшей, но и никогда не забывавшейся. Укрупненный губернский предводитель в роли правителя или тысяцкого державы, или члена верховной думы находится в несомненно большем родстве с великодержавным наместником 1682 г., чем с представительными учреждениями федерированных штатов молодой заатлантической республики.

Не случайно проект Муравьева изобилует многими чертами, указывающими на его очень теплый интерес к русскому прошлому и на его начитанность в летописях и других древне-русских памятниках. Его рассчитанный на популяризацию политических планов «Любопытный разговор» даже целиком построен на мысли обосновать политические идеи «Конституции» справкой с русским прошлым. По иронии судьбы в новгородском дворянине Н. Муравьеве, земляке Аракчеева, потомке тех новгородских помещиков, сажая которых Грозный выводил из Московского государства измену и аристократические покушения боярства, неожиданно в последний раз возродилась идея территориального расчленения России на основе своеобразной феодализации, идея, некогда пленявшая крамольных представителей московского боярства.

Для историка план Муравьева интересен не только как продукт личного творчества, он интересен как симптом тех настроений, которые очевидно еще блуждали в среде некоторых членов тайных обществ. Правда, за него не боролись и не умирали, но о нем много говорили, спорили и писали: печатаемые ниже замечания на «Конституцию» и особое рассуждение о ней суть яркие доказательства того интереса, который проект Муравьева вызывал у современников. В этом его общественный интерес и значение.

«Конституция» Н. Муравьева была издана уже трижды, и взаимоотношение трех изданных текстов является предметом анализа в работах В. И. Семевского, М. В. Довнар-Запольского¹ и в недавно вышедшем издании Центрархива «Восстание декабристов», где вопрос этот изучен А. А. Покровским. Издаваемый ныне текст вошел в круг исследования в названных работах, но он доселе еще не был опубликован полностью с теми добавлениями, которые мы находим в оригинальной рукописи. Текст этот взят из бумаг декабриста Пушкина, хранящихся в рукописном отделении библиотеки имени В. И. Ленина (бывш. Румянцевском музее). Эта рукопись ускользнула в свое время из рук Следственной комиссии и в составе архива Якушкина была передана в собрание Румянцевского музея. В 1906 г. этот текст «Конституции» был издан В. Е. Якушкиным, но издатель не опубликовал тогда замечаний к тексту «Конституции», сделанных на полях рукописи в подлиннике, и выпустил обширное критическое рассуждение о «Конституции» неизвестного автора (по вероятному предпо-

¹ Имеем в виду книгу В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» и «Мемуары декабристов» М. В. Довнар-Запольского.

ложению В. И. Семевского — декабриста флотского офицера Торсона), следующих за текстом подлинника. Задачей настоящего издания является опубликование Пушкинского текста «Конституции» Муравьева с некоторыми исправлениями сравнительно с изданием 1906 г. и с присоединением критических замечаний и упомянутого выше обширного рассуждения. Эти примечания и рассуждения — важные показатели того интереса, который вызывала в среде членов тайных обществ «Конституция» Муравьева, когда автор приступил к тому, что он называет ее «распущением» (т.-е. распространением).

К сожалению, и нынешним издателям, как в свое время В. И. Семевскому, не удалось установить имен авторов этих замечаний и рассуждения с уверенностью. Если даже автором рассуждения был, почти наверное, Торсон, то авторство замечаний остается невыясненным.

Рукопись «Конституции» написана рукою К. Ф. Рылеева скорописью на желтоватой бумаге, на 26 листах с водяными знаками (французская геральдическая лилия 1818 г.), с полями, занимающими полстраницы. Замечания, печатаемые в настоящем издании под текстом, в подлиннике разбросаны на полях и написаны чернилами и карандашом двумя разными почерками, из которых один почерк (карандаш) напоминает почерк рассуждения, предположительно приписываемого Торсону. Рассуждение написано чернилами на синей бумаге с водяными знаками 1823 г. Текст рассуждения изобличает в авторе знатока и поклонника английских конституционных порядков.

КОНСТИТУЦИЯ Н. МУРАВЬЕВА.

Глава I.

О НАРОДЕ РУСКОМ И ПРАВЛЕНИИ.

1. Руской народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

Глава II.

О ГРАЖДАНАХ.

3. Гражданство есть право, определенным в сем Уставе порядком участвовать в общественном управлении: посредственно, т.-е. выбором чиновников или избирателей; непосредственно, т.-е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной власти.

4. Граждане суть те жители Российской империи, которые пользуются правами, выше определенными.

5. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

- 1) Не менее 21 года возраста.
- 2) Известное и постоянное жительство.
- 3) Здравие ума.
- 4) Личная независимость.
- 5) Исправность платежа общественных повинностей.
- 6) Непорочность перед лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствовавший 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе гражданства Российского у судебной власти, отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился.

7. Иностранец, не получивший гражданства, не может исполнять никакой общественной или военной должности в России, не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель.

8. Через 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан гражданином.

9. Права гражданства теряются.—

На время:

- 1) Судебным объявлением о расслаблении ума.
- 2) Нахождением под судом.
- 3) Судебным определением о временном лишении прав.
- 4) Объявленным банкротством.
- 5) Общественною недоимкою.
- 6) Нахождением в услужении при ком-либо.
- 7) Незнанием местопребывания, занятий и средств к пропитанию ¹.

На всегда:

- 1) Вступлением в подданство иностранного государства.
- 2) Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства.
- 3) Приговором суда к бесчестному наказанию, влекущему за собой лишение гражданских прав.
- 4) Если гражданин без согласия Веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титул или звание почетное или приносящее прибыль от иностранного правления, Государя или народа.

Глава III.

О СОСТОЯНИИ, ЛИЧНЫХ ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ РУСКИХ.

10. Все Русские равны перед законом.

11. Рускими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям отечества и явиться на защиту Родины, когда потребует того закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли Руской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вере, по которой все люди братья, все рождены благо по воле Божьей, все рождены для блага и все просто люди, ибо все слабы и несовершенно.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невооруженно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан пред судом и принадлежат присяжным.

¹ Ст. 9. п. 7 [Примечание карандашом совершенно стертое: разобраны лишь последние слова:] за преступление лишает...

15. Существующие ныне гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделием, заводами, торговлею и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 рублей серебр.), поступает в суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответственностью тех, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причине его задержания, в противном случае он немедленно освобождается ¹.

20. Заключенный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него порука.

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнародованного до преступления и правильно законным образом приведенного в исполнение.

22. Устав сей определит, каким чиновникам и в каких обстоятельствах предоставляется право давать письменные приказания задержать кого либо из граждан, сделать домовый обыск, забрать его бумаги и распечатать письма его. Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки.

23. Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священо и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим ².

25. Крестьяне экономические и удельные будут называться общими и владельцами, равно как и ныне называющиеся вольными и хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, предоставляется им в общественное владение и признается их собственностью. Удельное Правление уничтожается.

26. Последующие законы определяют, каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждого из поселян, и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними ³.

¹ 19. НВ. В чуж. краях взятие под стражу бывает непременно при 12 чел. присяжных — не худо бы и здесь.

² 24. НВ. Если огород, то земля [чернилами; почерк отличается от почерка текста и от почерка примечаний карандашом].

[В тексте параграфа после слов «и скотом» карандашом:] «и прочим».

³ 26. [Чернилами почерком текста:] Земли, на коих поселены Экономические Удельные и Государственные крестьяне, остаются общественными (biens nationaux) и в ведении казначейского приказа (ныне министерство Финансов и Уделов): кроме дворов их, огородов, скота и земледельческих орудий, которые признаются их собственностью.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих владельцев.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Руского. Названия и сословия однопорцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием гражданина или Руского.

30. Жалованье священнослужителям будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются от постоя и подвод¹.

31. Кочующие племена не имеют прав гражданских.

Права участвовать в выборе Волостного старшины предоставляется однакож и оным².

32. Граждане имеют право составить всякого рода Общества и Товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения: лишь только бы действия оных не были противузаконными³.

33. Каждое таковое общество имеет право делать себе постановления, лишь бы оные не были противны сему Уставу и законам общественным.

34. Никакое иностранное общество не может иметь в России подведомственных себе обществ или сотовариществ.

35. Никакое нарушение закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потом подписавшие противузаконное повеление⁴.

36. Граждане имеют право обращаться со своими жалобами и желаниями к народному Вечу, к Императору и правительствующим сословиям Держав.

37. Подземелья и казематы крепостные, вообще все так называемые Государственные темницы уничтожаются; никто не может быть заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах.

[Это место перечеркнуто карандашом; далее следует карандашом:]

NB. Есть множество крестьян, которые имеют свои земли на имя своих господ: как поступить с ними?

¹ NB. От всех податей.

² [Между 30 и 31 на полях карандашом:]

О нынешних чиновниках.

О Евреях.

³ 32. Общества, но не тайные.

Тайные все вредны.

⁴ 35. [На полях тем же почерком:]

Иногда приказание может иметь вид противузаконный, но быть законное—гораздо лучше отвечать, почему кто [одно слово не разобрано]... иначе подчиненность всегда найдет способы к противоречию.

38. Обвиненные [карандашом сверху: обвиняемые] не должны быть заключены в одних местах с осужденными, заключенные за долги или за легкие проступки—с преступниками и злодеями.

39. Тюремное начальство должно быть избираемо гражданами из людей добросовестных, и которые были бы в состоянии ответственность за всякий противузаконный и бесчеловечный поступок с заключенными.

40. Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей ¹.

41. Всякий гражданин, который бы насилием или подкупом нарушил свободный выбор народных представителей, предается суду.

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушил законов природы и нравственности.

Глава IV.

О РОССИИ.

43. В законодательном и исполнительном отношениях все России делятся на 13 Держав, 2 области и 569 Уездов или Поветов. Все население полагается в 22.630.000 жителей мужского пола, и по сему предположению разочтено представительство оной.

Жители муж. пола:	Державы:		Столицы:
450.000	I	Ботническая держава	Гельсингфорс.
1.685.000	II	Волховская	Г. Св. Петра.
750.000	III	Балтийская	Рига.
2.129.000	IV	Западная	Вильно.
2.600.000	V	Днепровская	Смоленск.
3.465.000	VI	Черноморская	Киев.
750.000	VII	Кавказская	Тифлис.
3.500.000	VIII	Украинская	Харьков.
2.450.000	IX	Заволжская	Ярославль.
2.000.000	X	Камская	Казань.
1.425.000	XI	Низовская	Саратов.
490.000	XII	Обийская	Тобольск.
250.000	XIII	Ленская	Иркутск.
		Московская область	Москва.
		Донская	Черкасск.

Державы делятся на уезды, уезды на волости от 500 до 1.500 жителей мужского пола.

В судебном отношении державы делятся на округа, равные нынешним губерниям.

¹ 40. NB. Полицейский надзор, но не пожарная команда [чернилами, другим почерком].

Глава V.

О ВНУТРЕННЕМ УСТРОЙСТВЕ ВОЛОСТНОМ И УЕЗДНОМ ИЛИ ПОВЕТОМ.

44. В каждом уезде граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 рублей серебром или движимой на 1000 рублей серебром, собираются в уездном городе и выбирают Тысяцкого на один год.

1) Те, которые пользуются землями в общественном владении, не суть владельцы и следовательно сюда не принадлежат.

45. Общие владельцы не имеют права каждый лично участвовать в выборе Тысяцкого, народных представителей и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить одного избирателя с каждых 500 жителей мужского пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса, наравне с прочими гражданами, как уполномоченные целым обществом, лишь только они предъявляют поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старейшинами. Впрочем каждый из общих владельцев, имеющий капитал, означенный выше, участвует в выборах непосредственно и не лишается прав избирательства качеством общего владельца. Зато он не участвует в избрании уполномочивающего общества.

46. Чтобы быть Тысяцким, должно иметь, по крайней мере, 21 год от рождения. Непорочного поведения и недвижимого имущества в собственном своем владении ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра (30.000 рублей серебром) или движимого — не менее 3.000 фунтов серебра (60.000). Если избранный в сие звание не владеет таковым имуществом, то он не должен принимать сего звания. В противном случае, он лишается места и вносит пеню в 100 фунтов чистого серебра (2.000 рублей).

47. Должность Тысяцкого состоит в следующем:

1) Он созывает Граждан для выборов Представителей, выборных Членов Дум, Держав и пр. и председательствует в сих собраниях.

2) Исполняет определения Судей, посылает вызовы к Суду; объявляет определения Правителей Держав и составляет список присяжных.

3) Собирает доходы общественные.

4) Наблюдает за общественными темницами и исполнением уголовных наказаний.

5) Охраняет Судей во время отправления ими их должности. — Представляет требования Уезда, говорит всегда от его имени, берет под стражу нарушителей порядка: в сем случае каждый обязан ему повиноваться и вспомоществовать при востребовании.

6) Составляет два списка тех из Граждан Уезда, кои владеют недвижимым имуществом ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра или движимым ценою не менее 3.000 фунтов чистого серебра, 2-й тем, кои владеют недвижимым имуществом не менее 250 фунтов

или движимым не менее 500 фунтов чистого серебра. Граждане первого списка могут быть (если при том отвечают прочим условиям) избраны в члены Верховной Думы, Правители Держав, Наместники Державных Правителей, Тысяцкие и Члены Державных Дум и Члены Державных Судов.

Граждане второго списка могут быть присяжными и избирателями.

Граждане первого списка пользуются правами и следующего [это слово зачеркнуто; вместо него карандашом: второго] списка.

Граждане, коих имена не нанесены [нанесены зачеркнуто; вместо него: внесены] в сии списки, не лишены тем прав остальных граждан¹.

48. Все списки должны быть напечатаны и обнародованы.

49. В Уездах, в которых вовсе не находилось людей, владеющих имением в 1.500 фунтов чистого серебра или в которых находилось бы менее 20, должно выбирать на те места, в которые требуется сие условие, из определенного большинством голосов избирателей числа владельцев и капиталистов, которые приближаются своим имуществом к требуемому состоянию, включая в число сие и тех немногих или того, кто бы пользовался означенным имуществом. Сей дополнительный список печатается вместе с первым списком.

50. Тысяцкий, приняв сие звание, должен непременно объявить обстоятельно, сколь велико его имение. Сие записывается в особую книгу, хранящуюся у него, и каждый имеет право требовать себе копию с его показания, дабы удостовериться в том, что он пользуется требуемым имением. Если кто потребует от Тысяцкого на то доказательства, то он обязан представить своему противнику в суде требуемые доказательства и документы. После сего обвинитель может отказаться от своего иска, заплатя пеню в 150 рублей серебром. В случае же тяжёбного опровержения его иска, он подвергается пени в 500 рублей серебром.

51. Тысяцкий должен иметь жительство в Уезде. Он может быть выбран несколько раз сряду.

52. Тысяцкий избирает себе двух или трех помощников, смотря по величине Уезда, и назначает себе писарей и ездовых.

53. Он наблюдает за их поведением, может отрешить и заменить другими.

54. Каждый Тысяцкий, Помощник и Старейшина получают вознаграждение по окончании года: Тысяцкий в 1.500 р. серебром, Помощник 500, Старейшина в 100 р. серебром².

55. Когда Уезд слишком обширен, чтобы все те, которые пользуются правом Гражданства могли бы удобно собираться в одно место, то Тысяцкий назначает 2, 3 или 4 собрания в разных местах в одно и то же время. В одном присутствует он сам, в другом его помощники.

¹ 47. NB. Почему богатство только определяет достоинство правителей? Это несогласно с законами нравственными.

² 54. [Против: «Старейшина в 100 руб. сер.»] NB. от 100 — 25.

56. В выборе волостном участвуют все Граждане без изъятия и различия ¹.

57. Обыватели каждой Волости избирают на год или более Волостного Старейшину. Обязанности его есть, кроме управления волостного, отбирать показания обывателей, имеющих недвижимую или движимую собственность, разделить их на вышеозначенные статьи и представить Тысяцкому.

58. Волостные старейшины находятся под особенным начальством Тысяцкого, который поверяет доставленные ими сведения, принимает обвинения жителей и показания их. Убедясь гласною расправою, Тысяцкий имеет право внести пропущенных в списки или вычеркнуть имена тех, которые не должны в них находиться. Тысяцкий, получая сообщение приговора к позорному наказанию или уведомляясь о банкротстве или общественной недоимке, объявляет о том в Уезде или Совете, исключает те лица из списков.

Глава VI.

О НАРОДНОМ ВЕЧЕ.

59. Народное Вече, состоящее из верховной Думы и Палаты народных представителей, облечено всею законодательною властью.

Глава VII.

О ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ, О ЧИСЛЕ И ВЫБОРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

60. Палата Представителей составлена из Членов, выбранных на два года Гражданами Держав.

61. Во время своего избрания представитель должен жить в избравшей его Державе.

62. Лица, принявшие на себя подряды и поставки на общественные требы, не могут до совершенного окончания оных быть представителями ².

63. Кроме означенных в § 5 условий, чтобы быть представителем, требуется только Доверие большего числа избирателей уезда или Поведа со следующими, однако, ограничениями:

1) Иностранец, получивший право Руского Гражданства, может быть избран в представители только через 7 лет после его Гражданствования.

¹ 56. «Волостном» — приписано карандашом, вместо «сем».

² 62. Потому что это мешает их личному пребыванию или по чему нибудь другому? Значит живущий подрядами должен отказаться от своего существования или не может никак быть представителем?

64. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом:

Каждые 50.000 обывателей мужского пола посылают в Палату представителей одного представителя. В числе сих 50.000 должно полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

65. Подробное исчисление всех жителей должно быть сделано три года после приведения сего Устава в исполнение, а потом чрез каждые десять лет должна происходить новая перепись таким образом, как определит особый на то закон.

66. До тех пор назначается число представителей 450. Каждые два года последний вторник сентября месяца имеют быть сходки для выбора народных представителей под председательством Уездных или Поветовых, Тысяцки и их Помощников. Первые выборы должны воспоследовать немедленно по обнародовании сего Устава.

67. Писарь, назначенный Тысяцким, записывает имена всех присутствовавших избирателей и сколько кто получил голосов. Четыре дня полагаются окончательным сроком для выбора.

68. Список сей утверждается подписью всех присутствовавших чиновников и писарей, запечатывается и немедленно отправляется к Державному Дьяку, к которому оный должен быть доставлен в продолжение двух недель непременно.

69. Державы дают представителей:

I Ботническая	9	VIII Украинская	70
II Волховская	33	IX Заволжская	49
III Балтийская	14	X Камская	40
IV Западная	42	XI Низовская	28
V Днепровская	52	XII Обийская	10
VI Черноморская	69	XIII Ленская	5
VII Кавказская	15		

1) Московская область — 10, 2) Донская — 3.
Всего — 450 представителей.

70. Правительственной власти каждой Державы представляется распределить число представителей на Уезды или Поветы и означить, сколько представителей избирает один Уезд или Повет, или в малочисленных краях, сколько Уездов или Поветов участвует в выборе одного представителя.

71. Ежели в представительстве какой либо Державы откроются места, то исполнительная власть той Державы немедленно созывает избирателей, чтобы оное наполнить ¹.

72. Палата представителей сама избирает своего председателя, она одна пользуется правом предавать суду Сановников Империи.

¹ 71. NB. Не лучше ли избирать кандидатов? [Другим почерком, также карандашом:] Правда.—

Глава VIII.

О ДУМЕ ВЕРХОВНОЙ.

73. Верховная Дума состоит из трех Граждан каждой Державы, Двух Граждан Московской области и одного Гражданина Донской области. Всего 42 члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями Держав и Областей, т.-е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными Думами.

74. Немедленно по прибытии в столицу Членов Верховной Думы они разделяются на три разряда, по возможности, равных. Члены первого разряда выходят из Думы по истечении 2 лет, Члены второго разряда — по истечении 4, Члены третьего разряда — по истечении 6 лет, так что треть всей Думы возобновляется каждые два года новым избранием. Если же в продолжение двух годов между выходами откроются места смертью членов или увольнением оных, то исполнительная Власть сих Держав сделает временное назначение (если бы это случилось в такое время, когда Правительное собрание Держав распущено), пока Правительное собрание не заменит оно¹.

75. Условия, необходимые, чтобы быть Членом Верховной Думы, суть 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имущества ценою на 1.500 фунтов чистого серебра или движимого на 3.000 фунтов чистого серебра.

76. Дума избирает сама своего председателя, Наместника председателя и прочих своих Чиновников. Председатель наблюдает за порядком рассуждений, но не имеет права голоса. Наместник занимает его место, когда он в отсутствии².

77. Верховной Думе принадлежит Суд над Министрами, Верховными Судьями и всеми прочими Сановниками Империи, обвиненными народными представителями. Никто не может быть объявлен виновным, как только $\frac{2}{3}$ -ми голосов всех присутствующих Членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только объявить подсудимого виновным и лишить его занимаемого им места и звания. Дальнейшее суждение над виновным продолжается в присутственных местах обыкновенным порядком судебным с присяжными, по письменному обвинению Верховного Блюстителя (Генерал-прокурора, который лично отвечает суду, когда обвинение докажется несправедливым). Изобличенный судом Государственный Сановник подвергается казни, определенной законом.

¹ 74. [К последним словам:] также кандидатами.

² 76. [Чернилами, другим почерком:] НВ. За что лишить силы ума достойного человека, избранного Думою.